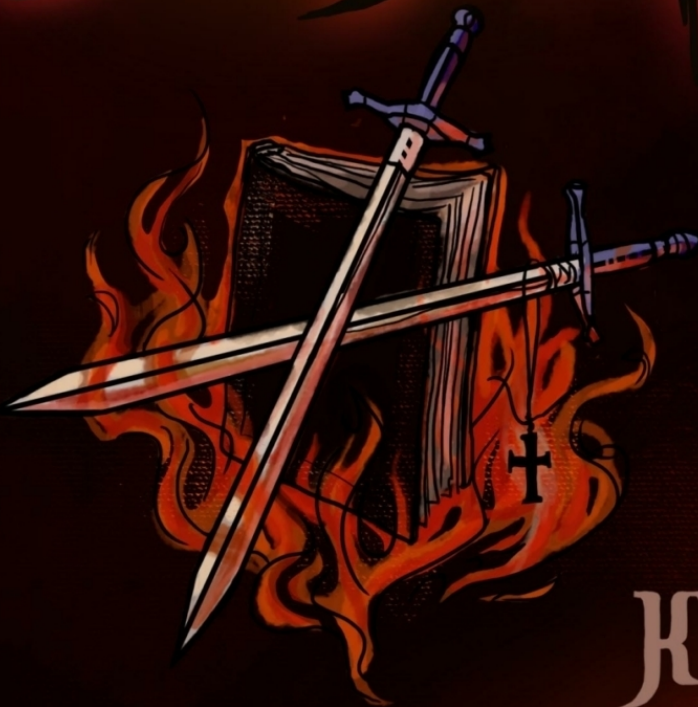

Наталья
Московских
Вера
Золотарева

Древо

18+

книга III

Наталия Московских

Еретик. Книга 3

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Московских Н.

Еретик. Книга 3 / Н. Московских — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-98088-4

Узнав о трагическом прошлом своей возлюбленной, Вивьен Колер пытается найти след человека, упомянутого в ее истории — своего бывшего наставника Ансея, еретика, раз за разом ускользавшего от преследований инквизиции и оставившего за собой единственную зацепку — книгу со своим учением. Поиски становятся все рискованнее, и никто не подозревает, что на самом деле происходит со сбежавшим преступником. Тем временем в Нормандию направляется папский легат, задавшийся целью навести порядок в беспокойном руанском отделении инквизиции.

ISBN 978-5-532-98088-4

© Московских Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

‡ 15 ‡	5
‡ 16 ‡	30
‡ 17 ‡	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Наталия Московских, Вера Золотарёва

Еретик. Книга 3

‡ 15 ‡

*Се, гряди скоро, и возмездие
Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его.
Откровения, 22: 13*

Спрятав запретную катарскую книгу в своей комнате под половой доской, Вивьен некоторое время затаенно ждал судьбоносных перемен в своей жизни. Напряженная обстановка во французском королевстве лишь подогревала его тревожные ощущения.

Король Иоанн к тому моменту уже два года томился в плену у англичан после битвы при Пуатье, а дофин Карл безуспешно искал возможность вызволить его. Единственным действенным способом он счел собрать выкупную сумму, подняв налоги в условиях продолжающейся войны. Из-за пугающей нищеты множество людей подалось в разбойничьи шайки, безжалостно бросив дело, приносящее прежде доход. Разбойники ураганом проносились по деревням и селениям, не получая за свои преступления никакого наказания. Некому было эти наказания назначать и исполнять – да и некогда. Торговля и ремесла практически остановились. Сельское хозяйство бедствовало, поля зарастали, простаивая без ухода. Многие понимали, что может случиться восстание. Поэтому когда народ не выдержал угнетения и двинулся на Париж, это удивило разве что тех, кто привык жить одним днем и не думать наперед – в народе говаривали, что дофин Карл принадлежал к числу именно таких людей. Казалось, он искренне удивился, узнав о восстании, поэтому спешно отдал распоряжение отрезать подступы к Парижу. Страх дофина разделяли многие знатные господа, которые приказали своим крестьянам немедленно начать работы по укреплению замков. Вот только усталость простого народа перешла все границы, и люди выступили с оружием против своих же господ, отказавшись строить укрепления.

Набравшее обороты восстание пронеслось по Бовези, как чума, распространилось в Пикардии, Иль-де-Франсе и затронуло Шампань. Бунтовщики, выказывая усталую ярость, громили поместья, жгли замки и жестоко убивали их обитателей, попутно уничтожая все документы, фиксирующие крестьянские повинности. Казалось, в своей бессильной злобе они стремились уничтожить как можно больше влиятельных господ, надеясь, что это поможет нормализовать собственное положение.

Лишь к середине лета, когда знатные сеньоры объединили силы с дофином и заручились поддержкой Карла Наваррского, восстание удалось подавить. И пусть пока что сеньоры не решались увеличивать налоги или угнетать крестьян новыми повинностями, люди чувствовали себя изнуренными и истощенными. Они устали от непрекращающегося напряженного ожидания, которое обступало их со всех сторон. Люди хотели мира, и, казалось, еще немного, и их будет устраивать любой способ его достижения.

Даже находясь на большом расстоянии от основных волнений, Вивьен Колер прекрасно чувствовал общее настроение страны. Он так же истово искал мира в собственной душе.

Первое время он, несмотря на свое природное любопытство, опасался открывать еретическую книгу Ансея, будто считал, что тем самым окончательно и бесповоротно сломает собственную жизнь. На деле Вивьен понимал, что *уже* это сделал – в тот самый момент, когда забрал катарские тексты из лагеря прокаженных. Преступлением было даже не решение забрать книгу с собой – преступлением был сделанный им выбор: скрыть ее и оставить у себя.

Он должен был отдать ее епископу. Должен был передать ему слова прокаженного. Он должен был поступить, как инквизитор. Но не смог.

Разумеется, он не собирался выдавать себя своим поведением. Вивьен умел выглядеть бунтарем и скрывать за этим юношеским упрямством свои истинные душевные порывы. Сказать все, не выдав ничего – это было его лучшим прикрытием. Однако в глубине души Вивьен чувствовал, что все зависит не только от него. Ансель мог попытаться выйти с ним на контакт, проявить себя, попробовать о чем-то поговорить. Вивьен опасался этого, однако одновременно искренне этого желал. После рассказа Элизы о событиях в Кантелё ему хотелось вновь посмотреть в глаза Анселю, понять, насколько глубоко ранил его собственный поступок, насколько его душа еще способна к... *чему?*

«Боже», – думал Вивьен, печально усмехаясь самому себе. – «Милостивый Боже, неужели я все еще думаю о том, чтобы помочь ему? Неужели все еще думаю, что смогу это сделать? Ведь он преступник. Он еретик. Он должен ответить перед законом: перед Святой инквизицией за ересь, а перед светским судом за убийство Гийома де Кантелё. Моя помощь его душе не сумеет ничего изменить, так почему же я так жажду оказать ее?»

У Вивьена не было ответов.

Дни и месяцы сменяли друг друга, а ни Ансель, ни Ренар, ни Лоран не совершали никаких действий, которые можно было бы считать опасными. Работа инквизиционного отделения Руана шла своим чередом.

После службы Ренар и Вивьен вместо трактиров частенько навевывались в дом на лесной поляне. Элиза встречала своих гостей с радостью и теплотой. Она все еще иногда учила Ренара стрелять из лука, хотя тот подходил к этим урокам с меньшей уверенностью и меньшим запалом, нежели раньше. Успехи его тоже заметно ухудшились. Он никак не объяснял угасание своего интереса к стрельбе и, когда об этом заходила речь, мрачнел и предпочитал ничего не обсуждать. Элиза и Вивьен предположили, что дело может быть в Рени и в ее былом зрительском интересе к его занятиям. Возможно, после ее отказа Ренар поумерил пыл и теперь изредка продолжал учиться лишь из практических соображений: такое умение никогда не бывает лишним, особенно учитывая напряженную обстановку на всей французской земле.

Элиза искренне хотела утешить Ренара, однако при первой же попытке поняла, что не знает, как к нему подступиться. Даже сейчас, когда он проявил удивительную терпимость к ее верованию, она не до конца понимала этого человека. Его чувства были для нее загадкой. Вдобавок он продолжал вызывать в ней легкую опаску. А еще Элиза толком не знала, что именно произошло между ним и ее сестрой: ни один, ни другая ничего об этом не рассказывали, и это сбивало с толку. А вдруг Ренар затаил на Рени злобу? Что тогда? На что он способен пойти?

Обычно Элиза уважала неразговорчивость сестры, но сейчас боялась, что это молчание может не довести до добра. Несколько раз она пробовала сама поговорить с ней, но Рени лишь просила ее не волноваться и утверждала, что от Ренара не следует ожидать зла. Устав от гнетущего неведения Элиза даже попросила Вивьена поговорить с Рени.

– Элиза, она не станет мне ничего рассказывать, раз уж не рассказала тебе. Я услышу от нее то же, что и ты. А может, даже более скудную отговорку, – ответил Вивьен, услышав ее просьбу. – К тому же она права: от Ренара не стоит ждать зла. Ты зря переживаешь.

Элиза помрачнела.

– Может, ты все-таки попробуешь?

– Сомневаюсь, что из этого что-то выйдет.

– Но ты ведь можешь быть настойчивым при расспросах, разве нет?

Вивьен с изумлением уставился на нее.

– Элиза, ты хочешь, чтобы я *допросил* твою сестру?

Он обнял ее и рассмеялся, не услышав ответа. А Элиза отчего-то ощутила укол стыда. Она не хотела лишней раз акцентировать внимание на его связи с инквизицией, это вышло

само собой. После рассказа о событиях в Кантелё Элиза отчего-то начала испытывать страшную неловкость, когда речь заходила об инквизиции и ее деятельности. К Вивьену она первое время после того разговора также приглядывалась с опаской, пытаясь убедиться, что он и вправду не злится. Вивьен терпеливо переждал период ее смятения и выказал свое отношение лишь однажды, когда Элиза не выдержала и задала ему прямой вопрос:

– Скажи, после всего, что я рассказала... твое отношение ко мне точно не изменилось? Я думаю об этом каждый день, это не дает мне покоя.

Вивьен терпеливо вздохнул, покачал головой и ответил:

– Элиза, послушай, я не держу на тебя зла. Ни малейшего, поверь ты в это наконец. А еще, – он чуть помедлил, – я тебя люблю. Тебя и все, что с тобой связано: твое прошлое, твои верования, твои занятия. Все, что тебе дорого. Надеюсь, для тебя это не пустой звук.

Больше Элиза не терзалась сомнениями и постепенно стала вести себя, как и прежде, благодаря судьбу за то, что та позволила ей быть счастливой.

Ближе к концу лета 1358 года от Рождества Христова, когда народные волнения чуть улеглись, судья Лоран ненадолго ослабил давление на своих подчиненных, и Вивьен предложил Ренару провести свободное время за городской чертой. Однако Ренар решил, что выдавшиеся часы хочет посветить архивам инквизиции, в которые и без того начал заглядывать заметно чаще и которых не покидал почти до темноты, словно пытался перечитать и запомнить все, что хранилось в делах руанского отделения.

– Мы с тобой будто поменялись местами, мой друг, – нервно усмехнулся Вивьен. – Могу я полюбопытствовать, что ты там надеешься отыскать?

– Просто хочу изучить некоторые дела, – уклончиво отозвался Ренар.

– Некоторые, или вполне конкретные? – приподнял бровь Вивьен. – Ты хочешь найти, что у нас есть на Анселя? Думаешь, архивы тебе помогут?

– Тебе не помогли – ты это хочешь сказать? – обидчиво отозвался Ренар. – Если *ты* не нашел ничего важного, это не значит, что *я* не найду.

– Мы поймаем его, – пообещал Вивьен, в который раз прокляв себя за прямо противоположные надежды.

– Поймаем, – буркнул Ренар, – если не будем сидеть сложа руки. – Он осуждающе посмотрел на друга и качнул головой. – Но у тебя мысли о другом, я же вижу. Иди к ней. – Заметив смущение на лице друга, он усмехнулся и махнул рукой. – Иди давай, пока от напряжения не лопнул! Увидимся на службе.

Вивьен хохотнул, похлопал друга по плечу и направился на постоялый двор. Однако вопреки рекомендациям Ренара он тоже решил некоторое время провести за чтением.

Осторожно и бережно, чтобы никто не услышал его, он отогнул доску над своим тайником и извлек оттуда книгу. На ощупь она показалась ему сыроватой, и Вивьен в ужасе подумал, что не стоит класть ее в подпол просто так – нужно хотя бы во что-то заворачивать.

Открыв книгу, первая страница которой была ныне уничтожена, Вивьен стал читать. Начало катарского евангелия полностью совпадало с Евангелием от Иоанна. По сути своей, это оно и было. Что ж, неудивительно – ведь из всех четырех Евангелие именно это было пронизано чудесами, которые столь сложно вообразить в земном мире. Какое еще Евангелие могли счесть истинным катары, осуждавшие всё мирское?

Вивьен хорошо знал Писание. Он помнил, какой отрывок этой книги заставил его похолодеть еще там, в лагере прокаженных. Отрывок, где описывалась Тайная Вечера. Не задумы-

ваясь, он пролистал книгу и нашел нужное место. Взгляд его с жадной пытливостью уставился в текст:

1. Я, Иоанн, брат твой, делящий скорби, чтобы потом войти в царствие небесное, когда покоился на груди Иисуса, сказал ему: «Господи, кто тот, кто тебя предаст?» И он мне ответил: «Тот, кто вместе со мной протянет руку к блюду. Тогда Сатана войдет в него, и он меня выдаст»¹.

Вивьен вздохнул.

Этот отрывок был построен иначе, нежели само Евангелие. То был *compendium*² – сборник вопросов и ответов, который, насколько Вивьен знал, изучив скудные исторические источники, пришел к альбигойцам еще от богомилов³.

Вивьен воскресил в памяти каноничные слова, которые писал евангелист Иоанн об Иуде Искариоте: *истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит. Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему⁴.*

Вивьен тяжело вздохнул, закрывая катарскую книгу и убирая ее обратно в тайное хранилище. Даже над этим небольшим отрывком ему предстояло всерьез задуматься и попытаться понять, что именно хотели вложить в свои слова еретики. Он не знал, где именно сумеет отыскать изъясн – тот самый, который помог бы ему обращать полчища еретиков против их собственных ложных учений. Чтобы узнать это, он должен был осмыслить каждое слово.

Богословие и толкование священных Евангелий занимало множество часов в Сент-Уэне. Аббат Лебо самолично следил за тем, чтобы его послушники выучивали Писание наизусть и умели верно истолковывать его. Вивьен помнил, что задавал аббату много вопросов касательно разных глав – в том числе и касательно тринадцатой главы Евангелия от Иоанна. Его всерьез заинтересовала персона, о которой евангелист говорил следующее: «один из учеников Его, которого любил Иисус».

– О ком это говорится, Ваше Преподобие?

– Апостол Иоанн в этом отрывке упоминает себя самого.

– Но почему он говорит о себе *так*?

– Как именно, сын мой?

– «Один из учеников Его, которого любил Иисус». Разве Иисус любил не всех своих учеников? – пытливо выспрашивал Вивьен. – Почему он возносит себя над другими?

– Напротив, сын мой, апостол Иоанн очень скромно и нимало себя не возносит.

– Почему же? Он ведь уделяет особое внимание тому, что Иисус любит его. Разве это не тщеславие?

– Спаситель любил всех своих учеников и всех людей, за которых отдал собственную жизнь, – терпеливо рассказывал аббат. – И апостол Иоанн понимал это. Он пренебрег даже тем, чтобы назвать собственное имя. Потому что апостол Иоанн знал, что он – лишь один из многих людей, которых любил Спаситель, и большего этому кроткому человеку было не надо, кроме как чувствовать себя одной из овец Божьих.

¹ Из апокрифа «Interrogatio Johannis».

² Резюме, справочник, конспект, краткое руководство (лат.)

³ Антиклерикальное движение, зародившееся на Балканах и существовавшее в X-XV веках. Согласно историческим источникам, богомильское движение и его философия оказали большое влияние на французских катаров.

⁴ Ин. 13: 21-28

Вивьен улыбнулся, вспоминая о терпеливых объяснениях Бернара Лебо. Мыслями он вновь вернулся к словам из катарской книги.

«Этот отрывок», – размышлял он, – «обращается непосредственно к каждому, кто будет его читать. И он сразу же говорит о том, кто именно из учеников спрашивает Иисуса о предательстве Иуды, хотя в настоящем Евангелие от Иоанна об этом упоминается лишь косвенно. И ни в одном другом Евангелии в подробностях об этом не говорится». – Вивьен глубоко вздохнул. Он пришел к той же мысли относительно ересей, к какой приходил и прежде: – «Истинное Священное Писание тяжелее для толкования. Мирянину будет непросто понять его. Еретические же тексты ближе к простому народу, они дают ответы на мучающие людей вопросы без посредничества толкователя. Люди, читающие или слушающие подобные тексты, невольно чувствуют себя ближе к Богу».

Потерев переносицу, Вивьен решил остановиться на этом измышлении. Он знал, что, если позволит себе изучить слишком много текста, это займет его настолько, что он не сумеет скрыть своей задумчивости. Элиза или Ренар могут начать расспрашивать его, а лгать им лишней раз ему совершенно не хотелось.

Просидев в своей комнате до самых сумерек, Вивьен сумел в достаточной мере отвлечься от мыслей о текстах катаров, и вскоре отправился к Элизе.

Элиза не ожидала сегодня увидеть Вивьена, однако его визиту искренне обрадовалась. В последнее время им редко удавалось побыть наедине. Чаще всего Вивьен приходил к Элизе в компании Ренара, не смея отказать другу в его желании пообщаться с человеком, ставшим ему близким. Частенько у Элизы гостила и ее сестра. Вивьен несколько не возражал против общества Рени, однако втайне мечтал поскорее улучшить момент, когда никто не будет мешать им с Элизой.

Наконец, такой момент настал.

Некоторое время они провели, обсуждая традиции травничества, коими Элиза охотно делилась, продолжая удивляться тому, с каким интересом слушает ее Вивьен. Он задавал ей вопросы, как пытливый ученик, со всей серьезностью вникая в тонкости ее языческого искусства и отдавая дань уважения ее сакральному отношению к растениям, духам и природе.

После Элиза с некоторым смущением показала Вивьену исписанный неуверенной рукой лист пергамента, попросив его оценить ее успехи в освоении искусства письма, которое он наряду с чтением преподавал ей. Вивьен с упоением смотрел на старательно выведенные буквы и гордо сообщал, что Элиза оказалась талантливой ученицей, которая не допустила в своем тексте ни одной ошибки.

Когда над лесной поляной сгустились сумерки, Элиза преисполнилась игривого настроения и с заговорщицкой улыбкой повлекла Вивьена за собой через чащу леса. Вивьен не спрашивал, куда она его ведет, а предпочел довериться ей – как она ему когда-то. Вскоре в отдалении послышался шум реки. Элиза начала двигаться еще быстрее и увереннее, увлекая Вивьена за собой. С лица ее не сходила полная предвкушения улыбка.

– Посмотри! – наконец воскликнула она, замерев. – Какая красота!

Перед Вивьеном раскинулся окутанный сизыми сумерками берег Сены. Деревья здесь образовали живописный коридор, постепенно спускающийся к воде. Меж кронами, разошедшимися в стороны, словно воды Красного моря перед Моисеем, проступала широкая полоса усыпанного звездами безоблачного неба, расширяющаяся вдаль и простирающаяся от горизонта до горизонта.

Элиза улыбнулась, отметив, что красота этого места впечатлила Вивьена.

– Это мое тайное убежище, о котором не знает больше никто, – сообщила она. – Я нашла его в первый год, как поселилась здесь. В минуты грусти или печали я приходила сюда, садилась на берег и смотрела на реку. – Она с особой любовью повернулась к воде и прикрыла глаза. – Речное течение обладает особой силой, ему словно подвластно подхватить и унести прочь часть твоей печали.

Вивьен склонил голову набок.

– Тебя сейчас что-то печалит?

– Наоборот, – загадочно улыбнулась Элиза. – Сейчас я счастлива. И мне захотелось прийти сюда в таком настроении вместе с тобой. Ты единственный, кому я решила показать это место, понимаешь? – Она вздохнула. – Это один из моих священных храмов, если хочешь. В нем нет каменных стен, красивых окон и сводов, но...

Она неловко замолчала, и Вивьен приблизился к ней. Нежно дотронувшись до ее щеки, он поцеловал ее и произнес – тихо и осторожно, будто боясь спугнуть добрых духов, которые наверняка обитали здесь, согласно ее верованиям:

– Он прекрасен.

На небе уже сгустилась ночь, и звезды стали еще ярче.

Все еще часто дыша, Элиза перевернулась набок и положила руку на грудь Вивьена, опустив голову ему на плечо. Он приобнял ее, с улыбкой посмотрев ей в глаза.

– Не замерзнешь? – заботливо спросил он. Взгляд его скользнул по поляне, где повсюду была разбросана их одежда. Лишь его сутана – достаточно длинная и широкая без пояса, чтобы на ней поместиться – лежала прямо под ними.

– Издеваешься? – приподняла бровь Элиза. – Я не помню, когда в последний раз мне было так жарко. – Она многозначительно улыбнулась.

– Не преувеличивай, – хмыкнул Вивьен. – Я приходил не *настолько* давно, чтобы ты успела все позабыть.

Элиза хихикнула и с деланным возмущением ткнула его локтем в бок, вызвав у него легкий смешок. Обняв ее чуть крепче, он поцеловал ее в волосы, второй рукой убрав растрепавшуюся золотистую прядь с ее лица. Элиза нежно прильнула к нему. Сейчас повадками она чем-то походила на гордую, но ласковую кошку.

– О чем ты сейчас думаешь? – вдруг спросила она.

Вивьен улыбнулся этому вопросу.

– Очень о многом сразу. Но когда ты спросила, я посмотрел на звезды и подумал об учении Пифагора и о том, что он полагал, будто центром мира является огонь, а вокруг него движутся небесные тела в неизменно гармоничном порядке, который он определял числами.

Элиза перевела на него удивленный взгляд.

– Пифагор? – переспросила она.

– Не слышала о нем? – улыбнулся Вивьен. Элиза покачала головой. – Это греческий философ родом с острова Самос. Он жил за несколько столетий до рождения Иисуса Христа и слыл великим мудрецом, основавшим собственную школу. У него имелось свое воззрение на любые явления, творящиеся в мире. В них всех он искал гармонию. – Вивьен понимающе хмыкнул. – Прямо как ты.

Элиза оценила этот комплимент по достоинству и расплылась в довольной улыбке.

– И как он ее искал? Какой видел эту гармонию?

– Несколько отличной от твоей, – ответил Вивьен. – Пифагор верил, что как единство, так и разнообразие всех вещей в мире описывают простые числа. Он говорил, что они являются ключом ко всему. Числами же он описывал воду, огонь, воздух. Даже музыку считал гармонией простых чисел.

Некоторое время Элиза молчала, замороженно глядя на него.

– А Пифагор тоже считается, – она помедлила, – еретиком?

Вивьен рассмеялся.

– Что касается него лично, то он мертв *слишком* давно, чтобы сейчас об этом судить. В то время, когда он жил, еще не существовало понятия ереси. По крайней мере, в том виде, в котором оно существует теперь. Но... можно сказать, что отчасти его учение стало преследоваться, почти как современная ересь. – Вивьен вздохнул. – Пифагор создал свою школу, основал свое учение, и вскоре оно приобрело большое влияние на общественную жизнь. Общество пифагорейцев мнило себя избранными, всячески это демонстрировало, и в ответ на это у людей вспыхнула открытая неприязнь. Народ напал на них, сжег их дома и убил множество членов этой школы.

Элиза заметно помрачнела.

– Общество никогда не желало принимать тех, кто чем-то отличался или выделялся, – печально заметила она.

– Знаю, о чем ты подумала, – вздохнул Вивьен. – Но я тебе так скажу: судьба учеников Пифагора тебе не грозит. У тебя есть я. Богом клянусь, тебя я в обиду не дам.

Элиза улыбнулась и вновь крепко обняла его. А затем она вдруг приподнялась, взглянув на него горящими азартом глазами, и кивнула в сторону реки.

– Пойдем со мной, – предложила она.

Вивьен приподнялся на локтях, когда Элиза уже распрямилась и уверенно направилась к воде.

– Куда? В реку? – Он недоверчиво приподнял бровь. – Зачем?

– Затем, что вода сейчас, должно быть, прекрасная, – рассмеялась Элиза.

Вивьен поднялся и последовал за ней. У самой кромки он замер, посмотрев вслед девушке, бесстрашно рассекающей водную гладь. Ее изящное нагое тело в свете звезд навело на мысли о древних мифических божествах.

Элиза обернулась и улыбнулась, поманив Вивьена за собой руками.

– Ну же! – крикнула она. – Заходи. Здесь не холодно, честно!

Вивьен нахмурился и сделал несколько шагов в темную воду Сены. Вода и вправду оказалась не холодной, и на то, чтобы привыкнуть, не уходило много времени. Элизе оно, похоже, и вовсе не требовалось: она заходила все глубже и глубже в реку, и Вивьену пришлось двигаться быстрее, чтобы поспеть за ней. Поняв, что стоит в воде уже выше пояса, он вновь остановился.

– Элиза, постой, – настороженно позвал он. – Куда ты?

Из-под бегущей воды теперь было видно только плечи и голову девушки.

– Поплывать, куда же еще? – невинно усмехнулась она. – Я хорошо знаю это место, здесь безопасно, я не раз здесь плавала. Течение не очень сильное, оно не унесет. – Она замолчала, заметив смятение Вивьена, и сделала к нему шаг. – Ты, что, никогда не плавал? – догадалась она.

Вивьен сжал губы в тонкую линию.

– Не доводилось.

Еще в Монмене он не раз ходил на реку, чтобы обмыться в проточной воде, однако плавать никогда не учился. После, в Сент-Уэне, ему тоже не приходило в голову нарабатывать этот навык.

«Да и зачем бы он мог пригодиться?» – ворчливо подумал Вивьен, однако вслух ничего не сказал.

Элиза снисходительно улыбнулась.

– Меня в детстве научила матушка. Я немного боялась поначалу, но потом у меня стало хорошо получаться. Я и тебя могу научить! – воодушевленно воскликнула она. – Давай попробуем. Смелее, это просто! У тебя обязательно получится.

Слыша, как Элиза подбадривает его, Вивьен попросту не мог не сделать еще пары шагов к ней навстречу. Сердцебиение начало тугими, гулками ударами отдаваться у него в висках. В груди его отчего-то всколыхнулась невиданная доселе тревога.

«Не смей!» – приказал он себе. – «Нашел, когда поддаваться волнению! Это всего лишь вода, что тебе с нее будет?»

Вода...

Река окутала его по грудь. Что-то на ее дне – дне, которого он не мог разглядеть – скользнуло по его ноге, напомнив прикосновение мокрой шелковой ткани. Вивьен прерывисто вздохнул и невольно остановился снова, напрягшись всем телом. Элиза терпеливо ждала его чуть дальше.

«Всего пара шагов», – усмехнулся он собственной трусости. – «Неужели я позволю себе их не преодолеть? Это же всего лишь трава на дне».

И все же, несмотря на эти мысленные увещания, он не мог заставить сердце биться спокойнее, а дыхание перестать вырываться из груди с лихорадочной частотой.

«Да что со мной?»

Вода казалась спокойной. Для опасения не было никаких причин.

– Не бойся, здесь не глубоко, – подбодрила его Элиза. – Я даже могу здесь стоять.

Пульс отдавался в висках. Вивьен не мог отрешиться от окутывающей его реки – от чернильно-черной движущейся массы, переливающейся таинственными оттенками света, прямо как то странное нечто, что просыпалось внутри него в моменты злобы. Вивьен всегда чувствовал это в себе слишком явно. И вот теперь нечто схожее было готово поглотить его целиком.

«Нет!»

Трава на дне вновь скользнула по ноге, заставив Вивьена громко и резко выдохнуть.

– Элиза, мы можем уйти?

Он и сам не понял, как и когда успел это выпалить. Глаза его невольно зажмурились, тело напряглось, как тетива лука, и замерло на месте, не решаясь сделать ни шагу. Гул сердечных ударов стал невообразимо громким, и Вивьену даже начало мерещиться, что он может различить в нем какой-то неясный вкрадчивый шепот.

– Вивьен? – окликнула его Элиза. Она неслышно приблизилась, ее рука коснулась его плеча, и он вздрогнул от ее прикосновения. – Ты дрожишь?

Он не ответил. Элиза обеспокоенно уставилась на него.

– Вивьен, что с тобой? Тебе плохо?

– Нет...

Но этот ответ был явной ложью: в свете звезд и луны лицо его казалось страшно бледным. Он знал, что Элиза ему не поверила.

– Мне не по себе, – честно ответил он. Элиза набрала в грудь воздух. Похоже, она снова собиралась попытаться уговорить его, но Вивьен упрямо покачал головой. – *Пожалуйста, Элиза, мы можем выйти на берег?*

– Конечно, – ответила она после небольшой заминки. Ее искренне удивило его поведение. Никогда прежде она не видела его таким. Даже в момент слабости, когда Ренар привел его к ней домой раненого, почти на пороге смерти, он держался стойко и излучал удивительную для своего положения уверенность. Но не теперь.

Услышав согласие, Вивьен резко развернулся и зашагал к берегу, не решаясь оглянуться и посмотреть на Элизу, идущую позади. Оказавшись на твердой земле, он спешно направился на поляну, подальше от воды, чувствуя, что ноги могут вот-вот предать его и подкоситься.

Давя в себе бессильную злобу на собственное поведение, Вивьен резко почувствовал себя без одежды глупым и ничтожным. Он отрывистыми движениями начал собирать свои разбросанные по поляне вещи и с несвойственным ему остервенением надевать их, продолжая злиться, когда те упрямылись и не желали быстрее скользить по мокрому телу.

Элиза остановилась у самой кромки воды и обеспокоенно посмотрела на него. Она хотела заговорить с ним, но отчего-то сейчас нужные слова не шли к ней. Смутившись, она вошла на поляну, робко подобрала с травы свое платье и оделась. К этому моменту Вивьен уже успел подпоясать сутану. Он замер посреди поляны и показался Элизе каким-то неестественно беспомощным, будто не знающим, куда себя деть.

С трудом подавив собственное смятение, Элиза приблизилась к нему, и встала у него за спиной. Не зная, чем может сейчас помочь, она нежно положила руки ему на плечи и уткнулась лицом в его спину. К своему искреннему удивлению, она почувствовала, что тело его все еще бьет мелкая дрожь.

– Прости, Элиза, – надтреснутым голосом произнес Вивьен, качая головой. Казалось, он не знал, куда провалиться от стыда. – Я понятия не имею, что на меня нашло.

Он с трудом пытался побороть в себе желание упрямо вернуться в воду и нанести по окутавшей его тревоге резкий сокрушительный удар. Однако при одной мысли о новом погружении в эту черную неизведанную глубину по нему прокатывалась новая волна предательской дрожи.

«Да в чем же дело, черт побери?!»

– Не надо, – тихо пробормотала Элиза. – Не надо, не извиняйся, прошу. Если б я знала, что ты... что вода тебя... тревожит, я бы не стала...

– Я и сам этого не знал! – раздраженно отозвался он, сделав шаг прочь от Элизы. Он обернулся и посмотрел на нее, тут же уловив на ее лице печаль. Устало потерев рукой переносицу, он вздохнул, опустился на траву и сел, согнув ноги в коленях. Элиза осторожно опустилась рядом.

– Но ты ведь раньше... бывал на реках? – аккуратно поинтересовалась она.

– Бывал, – вздохнул Вивьен. – Бывал и не раз. Но никогда ночью. Пусть я и не учился плавать, вода прежде не действовала на меня, – он поморщился, – *так*. Я не понимаю, чем это вызвано, я никогда не тонул.

Элиза мягко улыбнулась.

– Думаешь, чтобы чего-то бояться, обязательно нужно с этим столкнуться?

– У страха должны быть свои причины, – упрямо качнул головой Вивьен. – А я в жизни не сталкивался ни с чем страшным, что было бы связано с водой.

Элиза хмыкнула.

– Может быть, *в этой жизни* – не сталкивался, – туманно намекнула она. Вивьен взглянул на нее с усталым интересом.

– Думаешь, мог в прошлых?

– А почему нет?

Вивьен пожал плечами.

– А почему нет, – задумчиво повторил он, тут же покачав головой. – Не знаю, Элиза. В любом случае, сейчас я чувствую себя просто глупо. Я не боялся заходить в монастыри, монахи которых могли всей толпой обратиться в ересь после разгула чумы. Не боялся встретить там агрессивных убийц или гору мертвых тел. Не боялся втайне вырезать на западных колоннах шифрованные символы на случай, если нас с Ренаром все же убили бы там. Но при этом я не могу войти в темную реку. – Он презрительно фыркнул. – Это какая-то бессмыслица. Так глупо...

Элиза положила голову ему на плечо.

– Глупо судить себя за страхи, Вивьен, – тоном наставника возразила она. – Все чего-то бояться.

«Но это глупый страх!» – продолжал внутренне упорствовать он, хотя понимал, что снова пользоваться этим аргументом в споре будет еще глупее. Он опустил голову и невесело усмехнулся.

– Ты считаешь, что не имеешь права чего-то бояться? – хмыкнула Элиза, приподнимая бровь. Она перекинула мокрые волосы вперед и отжала их руками.

– Что-то вроде того, – криво ухмыльнулся Вивьен. Элиза ухватила за его руку. Во взгляде ее снова загорелся игривый огонек.

– Знаешь... я не понимаю, почему, но в твоём исполнении это осуждение собственных страхов звучит так соблазнительно... – Она помедлила. – Мне кажется, оделся ты рановато.

Медленно и неспешно приблизилась холодная сырая зима.

К этому времени Вивьену удалось, чуть ограничив собственные траты, скопить немного денег, на которые он сумел приобрести два теплых плаща. Их он с первыми холодами принес Элизе, заявив, что один из них купил для нее, а второй – для Рени.

– Я подумал, – пожал плечами он, – что они вам даже понравятся на вид. Но все-таки покупал я их, в первую очередь потому, что они теплые. Не знаю, как у вас обстоят дела с теплыми вещами, но так мне спокойнее.

Элиза смотрела на него с изумлением и благодарностью, невольно вспоминая, как позволяла себе внутренне ворчать, реагируя на подарки Гийома де Кантелё. Среди всех мужчин, кто когда-либо предлагал Элизе свою помощь и поддержку, только Вивьен сумел воплотить самые смелые ее мечты. Она вспоминала, как он поначалу приходил к ней с проверками – настороженно, напряженно, словно искренне думал, что ему придется иметь дело с колдовством. И ведь при этом, заметив некоторые сложности, которые Элиза испытывала с рубкой дров или починкой крыши, он помогал ей совершенно бескорыстно, ничего не требуя взамен.

– Передашь второе Рени? – смущенно улыбнулся Вивьен. – Этой дикарке тоже не стоит бегать зимой без теплой одежды.

Элиза крепко обняла его.

– Вивьен, для меня еще никто ничего подобного никогда не делал. Я даже не представляю, как тебя благодарить.

Он лишь покачал головой.

– Очень просто: носи плащ зимой и не заболевай из-за сырости. Я не знахарь, вылечить тебя не смогу.

Элиза снисходительно усмехнулась.

– Вылечить я себя и сама смогу, но твой подарок, – она покачала головой, – он и правда прекрасен. А еще спасибо тебе за то, что заботишься и о Рени. Не знаю, понимаешь ли ты, как много это для меня значит.

Вивьен улыбнулся.

– Думаю, что понимаю.

Некоторое время прошло в молчании, затем Элиза одарила Вивьена заговорщицкой улыбкой и склонила голову.

– Насколько я помню, скоро христиане празднуют Рождество, верно?

Вивьен испытующе приподнял бровь.

– Верно. Через несколько дней. – Он вернул ей заговорщицкую улыбку. – А к чему ты об этом?

Элиза игриво передернула плечами.

– Это ведь большой праздник, – с пониманием сказала она. – Рождение Господне, я помню. – В ее голосе зазвучали гордые нотки. – И я подумала, что, быть может, у вас с Ренаром на службе выдастся время заглянуть ко мне на Рождество? В честь праздника.

Вивьен не сумел сдержать умиленной улыбки.

– Мы будем рады, – искренне сказал он.

– Я буду ждать.

Приглашение Элизы несколько озадачило Вивьена, и дело было вовсе не в том, что он впервые был приглашен на один из главных христианских праздников в дом язычницы – нет, его заботил вопрос, что можно преподнести Элизе в качестве подарка. В конце концов, на недавние плащи для нее и Рени он потратил все, что откладывал, и теперь был довольно стеснен в средствах – жалование инквизитора никогда не отличалось внушительностью. Впрочем, таких молодых людей редко брали в инквизицию – папский указ предписывал лишь человеку, достигшему сорокалетнего возраста занимать этот пост – посему возмущаться своему скудному жалованию Вивьен полагал нецелесообразным. Он думал, что Лоран, разозлившись на алчность своего и без того вольного сотрудника, попросту укажет ему на дверь, и тогда Вивьену предстоит вернуться в обитель Сент-Уэн под присмотр Бернара Лебо. От одной мысли об этом становилось тоскливо, поэтому Вивьен давно отбросил мысль попросить Лорана платить ему немного больше.

Когда до Рождества оставалась всего пара дней, Вивьен проходил мимо раскинувшейся на площади ярмарки и замер у прилавка, на котором нашел кое-что дорогое, но действительно подходящее.

Выложив торговцу почти последние свои деньги, Вивьен почувствовал себя, как ни странно, намного лучше: теперь он был уверен, что сумеет произвести на Элизу должное впечатление, одновременно отдав дань ее прошлому и выказав свое уважение к оному. Отчего-то ему не надоедало удивлять ее.

В прежние времена, когда он частенько отлучался из монастыря и позволял себе повеселиться всласть, ему успешно удавалось завоевать женское внимание без особого труда – вполне хватало располагавшей к тому внешности, любви к чистоте и пары скромных подарков, чтобы молодая девушка начинала испытывать к нему романтическое влечение. Вивьен не гнушался нарушением заповеди о прелюбодеяниях ни в свою бытность послушника в Сент-Уэне, ни после, во время обучения у Лорана. Однако он предпочитал не поддерживать ни одну романтическую связь слишком долго. До Элизы.

Светловолосая лесная язычница оказалась первой женщиной, к которой Вивьен проникся сильным чувством. Не желая признаваться в этом даже себе, в глубине души Вивьен понимал, что страшился этой любви – той опасности и зависимости, что она несла в себе, – однако ни под каким предлогом не был готов ни на что променять ее.

Он совершенно бескорыстно хотел помогать Элизе, узнавать ее, радовать ее, не рассчитывая ничего за это получить. Однако дар, отданный взамен, он считал во много крат сильнее всего того, что мог даровать ей сам – у Элизы ведь получалось принести в его душу успокоение, которого не могла принести ни одна молитва. Рядом с ней утихала его внутренняя, с трудом сдерживаемая злость, уходили прочь почти все вопросы. Не требуя внимания к своим

стараниям, Элиза боролась за этот покой в его душе во время каждой встречи. Она не оставляла попыток избавить Вивьена от кошмарных сновидений и бессонницы. Она ведь спасла его, когда он был ранен, не восприняв при этом свой поступок как подвиг, не потребовав никакой награды! Она слушала его с упоением, с нею он мог поделиться почти любой своей мыслью, не боясь осуждения. А каждая ночь, которую они проводили вместе, была незабываемой. Вивьен проникался непритворным уважением к знаниям Элизы и к ее вере, поощрял ее ученические стремления, восхищался ее мужественностью и самостоятельностью, столь несвойственным большинству женщин. Он с одобрением и пониманием относился к ее заботе о сестре, сочувствовал потерям и страданиям, которые оставили на ней серьезный отпечаток. Он любил ее – он не лгал, когда выпалил это впервые, стоя напротив нее в своей комнате на постоялом дворе. Элиза стала первой женщиной, которую он привел в свое скромное жилище.

Она стала первой, с чьим обидчиком он расквитался жестоко и без сожаления, поэтому он понимал, что обещание убить за нее не станет ни для кого из них пустым и высокопарным бахвальством. Он сделал бы это снова, не колеблясь, если бы пришлось.

Вивьен не понял, когда перестал представлять себе жизнь без Элизы, ведь изначально он не предполагал, что их связь – коей грозила участь навсегда остаться под запретом – продлится так долго, но благодарил Бога за каждый день, проведенный с нею, и надеялся, что дни эти никогда не закончатся.

Осознавая все это, Вивьен с трудом удерживал приобретенный для Элизы подарок в руках без дрожи.

«Надеюсь лишь, что ей понравится, и она не найдет в этом никаких символов, которых я не хотел бы в это вкладывать», – подумал он.

И Элиза не нашла в его подарке ничего, кроме радости.

Когда Вивьен и Ренар явились после Рождественской мессы в домик лесной ведьмы, Элиза встретила их с сияющими глазами, указав на скромные, но довольно разнообразные угощения, которые она приготовила.

– Я не знаю, что обычно едят на Рождество, – смущенно произнесла она, – но я надеюсь, что вам понравится.

Обыкновенно не впечатлительный Ренар был поражен тем, с какой нежностью и с каким уважением Элиза отнеслась к празднику, которого нет в ее веровании. Он расплылся в широкой улыбке, крепко обнял Элизу и вручил им с Рени печенье из Сент-Уэна. К удивлению для самого себя, он решил отдать лесным ведьмам всю порцию монастырских сладостей, хотя обыкновенно предпочитал не делиться дарами аббата Лебо ни с кем.

Вивьен же улучил момент, подозвал к себе Элизу и поманил прочь из дома.

Накинув недавно подаренный им теплый плащ, она последовала за ним на улицу, в сырой зимний вечер. И тогда Вивьен достал из взятой с собой дорожной сумки завернутый в грубую ткань и перевязанный простой бечевкой подарок.

Элиза изумилась.

– Вивьен, что это? – округлив глаза, спросила она, принимая сверток. Тот оказался довольно тяжелым, и Элиза, чуть нахмурившись, взвесила его на руках.

– Открой, – заговорщицки улыбнулся Вивьен, с трепетом ожидая, как она отреагирует, когда развернет.

Несколько мгновений Элиза изучала подарок так, будто не верила своим глазам.

– Книга... – полушепотом произнесла она, и глаза ее слегка блеснули, словно она готова заплакать, – настоящая...

Элиза любовно провела пальцами по корешку, раскрыла книгу и пролистнула несколько страниц – бережно, будто боясь сломать такое сокровище – и, ничего не сумев разглядеть в темноте, закрыла ее и положила ладонь на обложку.

– Это история, – Вивьен чуть замялся, – Тристана и Изольды, написанная известным поэтом позапрошлого столетия Кретьеном де Труа.

Элиза подняла на него глаза и несколько раз изумленно моргнула.

– Это... мне?.. – полушепотом спросила она.

Вивьен одобрительно усмехнулся.

– Конечно, нет, – хмыкнул он, – как ты думаешь, Рени понравится книга? Думаю, это лучший подарок для девушки, которую я никогда не учил читать и которую совершенно не собирался как-либо впечатлять.

Элиза непонимающе уставилась на него, словно не была уверена, серьезно ли он говорил. Вивьен нервно хохотнул.

– Элиза, прошу, не смотри так. Конечно же, это тебе! Кому еще?

– Но я... никогда...

Вивьен покачал головой.

– Никогда не читала настоящих книг, знаю. Но я ведь учил тебя читать, и теперь ты вполне можешь это делать. Я уверен, у тебя не возникнет с этим никаких сложностей, ведь ты действительно преуспела. – Он улыбнулся, заглянув ей в глаза, – Элиза, не все монахи были так усердны в своем учении, как ты. Так что, надеюсь, что ты не только без труда прочтешь эту книгу, но и получишь удовольствие от текста.

Элиза прижала к себе книгу и прикрыла глаза.

– Спасибо тебе, – прошептала она. – Спасибо, Вивьен. Я не знаю, как тебя отблагодарить! Ты столько для меня делаешь! – Она невинно распахнула глаза. – А на Рождество принято дарить подарки? Я ведь ничего не...

Вивьен покачал головой.

– Ты сделала очень многое, Элиза. Твое приглашение для нас с Ренаром – уже большой подарок, поверь.

Элиза решительно кивнула.

– Я буду помнить об этом на следующий год! – заявила она, вновь с любовью опустив глаза на книгу в своих руках. Прошло несколько мгновений, после чего она вновь посмотрела на Вивьена и заинтересованно спросила: – Я почему-то думала, что вы не дарите подарков на Рождество. Разве так принято?

Вивьен улыбнулся.

– «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему»⁵. «И, войдя в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну»⁶.

Элиза нахмурила брови, вникая в услышанное. Тексты христианского Писания казались ей немного путанными, но она прилагала усилия, чтобы понять, о чем говорит ей Вивьен.

– Это ведь текст Священного Писания, да?

– Евангелие от Матфея, вторая глава, – кивнул Вивьен. – Здесь рассказывается о том, как восточные мудрецы – волхвы – первыми принесли Рождественские дары. Они вручили их Иисусу Христу в день, когда он появился на свет.

Элиза смущенно улыбнулась.

– Эти дары... довольно странные для младенца, – осторожно произнесла она. Вивьен вздохнул с улыбкой.

⁵ Мф. 2: 1-2

⁶ Мф. 2: 11

– Эти дары – символы. Золото было преподнесено Ему как царский дар, ведь Иисус был Человеком, родившимся, чтобы быть Царем. Ладан был преподнесен как дар священнику, ведь Иисус стал истинным Первосвященником и великим Учителем. Смирна же преподносилась в дар тому, кто должен умереть. На родине Иисуса ее использовали, чтобы бальзамировать тело умершего.

Элиза покачала головой.

– Это мрачный дар, – сказала она.

– Но он с Рождества Христова говорит об исключительной, особенной судьбе Сына Господня, уважая и возвеличивая грядущую жертву Христа, которая стала спасением для всего Человечества. Иисус Христос своей жертвой взял на себя грехи мира.

Элиза опустила голову и снова улыбнулась.

– Я до сих пор удивляюсь, когда ты цитируешь отрывки из Писания наизусть и так легко можешь толковать их. Эти тексты, – она передернула плечами, – сложны, но, когда ты говоришь о них, я понимаю, что ты говоришь правду.

Вивьен улыбнулся.

Элиза, как и он, обладала удивительной гибкостью взглядов. Казалось, в ее разуме спокойно сочетались каноны христианской веры и языческие представления о мире.

– Мне кажется, нам стоит вернуться в дом, пока Ренар и Рени не решили, что мы вновь пытаемся их свести, – заговорщицки произнес Вивьен, меняя тему.

– Ты прав, – отозвалась Элиза, нежно поцеловав его перед тем, как направиться в дом. – Спасибо тебе за подарок, – тихо сказала она. – Я никогда этого не забуду!

Шел 1359 год. Затягивался период нахождения короля Иоанна в английском плену, и народ Франции чувствовал, что вскоре монархи должны прийти к какому-то решению. Мирный договор, навязываемый Англией, был унизителен, и некоторое время пленный Иоанн Второй не соглашался на его условия. Однако на третий год своего пленения все же уступил. Нормандия, Анжу, Мэн, Аквитания, Кале и несколько других регионов переходили во владения Англии. Вдобавок французское королевство обязалось выплатить за своего короля огромный выкуп, суливший новые сборы налогов.

Известие об этом мирном договоре всколыхнуло затихшую было волну обращения в ересь – люди решили, что сам Господь отвернулся от Франции. Ренар и Вивьен были вынуждены не раз выезжать за пределы Руана в это неспокойное время и работать в окрестных городах.

Каждое их задание тревожило Элизу – она готова была взмолиться не только своим богам, но и любому из христианских святых, лишь бы Ренар и Вивьен вернулись домой невредимыми. Судьба была благосклонна, и молодые инквизиторы неизменно возвращались в целости. Когда Вивьену удавалось, он привозил Элизе новую книгу и иногда даже просил почитать ему вслух, чтобы насладиться ее голосом и ее умением.

Элиза обожала чтение. Особенно в те дни, когда Вивьен бывал в отъезде, потому что, едва взяв книгу, она чувствовала его присутствие. Казалось, каждая строчка, каждая буква напоминала о нем. Она даже подумывала попросить его позволить ей прочитать христианские Евангелия. Отчего-то она была уверена, что Вивьен не откажет в этой просьбе и лишь обрадуется. Однако пока что Элиза все же не решалась попросить об этом. Она будто чего-то ждала – сама не понимая, чего именно.

«Мира», – предполагала она. – «Возможно, я жду мира. Эта проклятая война доброй волею Судьбы обходит меня стороной, но я чувствую ее, словно она бьется своим духом внутри земли! Сколько лет она уже идет? Кажется, всю мою жизнь, и я устала. Должна же эта война когда-нибудь закончиться!»

Однако в ноябре 1359 года англичане во главе с Эдуардом III возобновили боевые действия вследствие того, что Франция отказалась соблюдать условия подписанного Лондонского мира. Ослабленные французские войска не были готовы к серьезным атакам англичан и молили Господа о помощи. На этот раз Всевышний оказался к ним благосклонен: войско Эдуарда III, на тот момент почти полностью состоявшее из шаек разбойников и головорезов, потеряло всякую дисциплину. Разнузданные и алчные, его люди вышли из-под контроля своих командиров и принялись чинить неконтролируемый разбой. В результате запланированные осады Реймса и Парижа не увенчались успехом, а армия Эдуарда была существенно ослаблена. Положение дел вынудило английского короля прекратить боевые действия и возобновить переговоры, чтобы не потерять преимущество полностью.

Напряженная обстановка продолжалась не один месяц.

Как ни странно, в это время в руанском отделении инквизиции воцарилось странное затишье, и Вивьен опасался, что Лоран, освободившись от груза нескончаемых дел, снова обратит внимание на Анселя и направит своих агентов по его следу в разные города и селения Франции.

В глубине души Вивьен недоумевал, как Анселю все эти годы удавалось ускользать от цепких рук инквизиции. Что-то подсказывало ему, что убийство Гийома де Кантелё отчасти развязало Анселю руки и – и без того обладая природным умением сворачивать с опасных разговоров, – теперь он виртуозно прибегал ко лжи, назывался множеством фальшивых имен, входил в доверие к встречающимся ему людям и скрывался прежде, чем кто-либо успевал раскусить его.

Проповедовал ли он до сих пор свое еретическое учение?

Если да, то как он оставался совершенным после стольких грехов? Если нет, то что же теперь он полагал своей заветной целью? Много лет такой целью была его вера. Но теперь, если брать во внимание историю Жозефины Байль и сопоставлять ее с рассказом Элизы, он даже свою единственную священную книгу оставил в чужих руках.

В руках Вивьена Колера.

«Зачем?» – недоумевал молодой инквизитор, раз за разом вглядываясь в катарские тексты. – «Чего ты хочешь? Чего ждешь? Какую цель преследуешь? Ансель... если бы я только был способен понять!»

Но Вивьен не понимал. И это непонимание мучило его, как, надо думать, мучило оно когда-то и Гийома де Кантелё.

Невольно видя эту схожесть, Вивьен нервно усмехался сам себе.

«Элиза никогда не пыталась нас сравнивать, а ведь мы чем-то похожи», – думал он. – «Видимо, ей нравятся мужчины с явной тенденцией к тому, чтобы погрязнуть в греховных сомнениях».

Эта мысль отрезвляла его, заставляла собраться с силами. Он знал, что не имеет права показывать кому-либо свои сомнения. Нельзя было забывать об осторожности. Хотя бы о той малой ее части, которая имела место в поведении Вивьена.

А ведь он так редко ее соблюдал!

Встречая Элизу в Руане и видя интерес других мужчин к ней, Вивьен не стеснялся вмешаться. С особенным рвением он делал это, выходя на улицу в простой одежде, а не в сутане инквизитора – словно отсутствие оной развязывало ему руки. Однако и в своем служебном облачении он, улавливая малейшую опасность, готов был проявить участие, которое полагал должным.

В один из таких дней он заметил Элизу в городе с корзиной, заполненной продуктами и какими-то ей одной известными иноземными травами с ярмарки. Вивьен поначалу не хотел демонстрировать всей улице, что они знакомы, однако не сумел удержаться, когда к Элизе с развязным видом приблизился незнакомый мужчина. Вивьен не расслышал, что именно тот ей говорил, однако заметил, с какой опаской она от него отшатнулась и как огляделась по сторонам, словно ища помощи.

Приблизившись, молодой инквизитор сразу заметил, что средь бела дня спонтанный воздыхатель Элизы уже изрядно захмелел.

«Тем лучше».

– Простите, но я должна идти, меня ждут дома, – с напускной вежливостью и взглядом, полным осуждения, произнесла Элиза.

– Что здесь происходит? – строго спросил Вивьен.

Незнакомый мужчина повернулся к нему, во взгляде мелькнула дерзость, тут же сменившаяся досадой, когда он понял, что к нему обращается человек, одетый, как служитель Церкви. Оружия при себе в этот день у Вивьена не было, посему не каждый – кроме тех, кто знал его в лицо – заподозрил бы в нем инквизитора.

– Простая светская беседа, отче, – осклабился захмелевший мужчина, не заметив сияющего взгляда, которым Элиза одарила Вивьена.

– Вот как, – хмыкнул тот. – И о чем же вы беседуете с дамой, которая совершенно явно в этой беседе не заинтересована?

Незнакомец грозно нахмурился.

– При всем уважении, отче, это явно не ваша... – он помедлил, явно пытаясь вспомнить нужное слово. Вивьен склонил голову, великодушно подсказав:

– Епархия?

– Именно, – многозначительно кивнул незнакомец. – Так что доброго вам дня.

Вивьен нарочито досадливо покачал головой.

– Боюсь, наш разговор не окончен, – произнес он, и в голосе его зазвучали металлические нотки. – Моей епархией, по долгу службы, является все, что вызовет у меня хоть малейшее подозрение в вероотступничестве, а вы, месье, позволяя себе определять епархии духовных лиц, *вызываете* у меня такие подозрения. Может, нам стоит поговорить в другом месте?

Пару мгновений мужчина потратил на то, чтобы осмыслить услышанное, и Вивьен любезно дал ему это время, стараясь не смотреть при этом на Элизу, чтобы сохранить лицо непроницаемым. Наконец поняв, с кем говорит, незнакомец округлил глаза и невольно подался назад, борясь с желанием и вовсе убежать.

– Господин инквизитор... – тихо произнес он, – я... я вовсе не...

– Ваше имя, месье, – требовательно перебил его Вивьен.

Как ни странно, вопрос этот заставил мужчину побледнеть. Миг спустя Вивьен понял, почему.

– Симон-Пьер, – тихо отозвался тот.

– Занимательно, – осклабился Вивьен, – что человек с именем, в точности повторяющим имя первоверховного апостола возомнил, будто может определять епархию верного слуги Божьего. Даже ваше имя укрепляет меня в мысли о вашем пагубном вольнодумстве, не говоря уже об опасении, с которым вы его произнесли.

– Я... я... я и не думал...

– И в вашем случае это было бы лучшим исходом – не думать. – Вивьен ожег вмиг протрезвевшего мужчину взглядом. – Ступайте с миром, месье Симон-Пьер. Я надеюсь, что увижу вас на ближайшей воскресной мессе, – с многозначительным упором на последних словах произнес он.

Энергично закивав, Симон-Пьер поспешил ретироваться, напрочь забыв об Элизе. Вивьен проводил его взглядом, и лишь после этого взглянул на девушку. Та благодарно улыбнулась ему, не скрывая некоторого злорадства: она с искренним весельем наблюдала за тем, как недавний наглый смельчак трусливо убегает, поджав хвост, после пары реплик в его адрес.

Строгость из глаз Вивьена при взгляде на Элизу не исчезла. Он отметил, что на шее у нее, позвякивая, висят ее любимые амулеты, а запястья охватывают подаренные им в день их знакомства четки.

Он вздохнул.

– Скажи, ты, что, нарочно умудряешься попасть в такие истории? А если бы меня не оказалось рядом? – тихо спросил Вивьен, направляясь вдоль улицы и увлекая Элизу за собой. Она пошла следом, держась чуть позади и не равняясь с ним.

– Я просто шла домой, – невинно произнесла она. – Ты ведь не думаешь, что мне хоть как-то польстило его внимание?

– Не думаю, – Вивьен нахмурился.

Они завернули за угол дома, оказавшись на не столь людной улице. Вивьен остановился и посмотрел на Элизу наставническим взглядом. Она виновато улыбнулась.

– Вивьен, я всего лишь вышла за покупками. Мне это иногда требуется, понимаешь? Я не стремилась привлекать ничье внимание.

– Его привлекает твоя внешность, – скользнув по ней оценивающим взглядом, покачал головой он. – Элиза, ты прекрасна, от тебя трудно оторвать глаза, но это иногда выходит боком. Когда-нибудь это может сыграть злую шутку, а я этого очень – *очень* – не хочу. Прошу тебя, будь аккуратнее. И хотя бы амулеты на время выхода в город снимай. Этот выскочка к тебе привязался из-за внешности, и мне легко было его отогнать, а если кто-то из-за этих амулетов обвинит тебя в идолопоклонничестве или ведовстве, ситуация будет сложнее.

Элиза заговорщицки улыбнулась.

– Тогда тебе придется сделать вид, что арестовываешь *меня*? – спросила она. Вивьен хмыкнул.

– Может, даже придется для вида арестовать.

– Уже придумал, как допрашивать будешь?

Оглядевшись по сторонам, чтобы избежать взглядов случайных свидетелей, Вивьен склонился к ней и прошептал на ухо:

– Самым что ни на есть пристрастным образом.

Переговоры тянулись долго. Англия и Франция застыли – уставшие, измотанные и напряженные – в ожидании хоть какого-то исхода. Однако к маю 1360 года Эдуард III со своими министрами явился во французскую деревню Бретины на встречу с дофином Карлом V для подписания мирного договора. Этот договор все еще был тяжел для Франции, однако не содержал в себе таких же унижительных условий, как Лондонский мир.

Согласно новому договору, Франция обязалась выплатить три миллиона экю за освобождение из английского плена короля Иоанна, лишаясь при этом примерно трети своих территорий на юго-западе страны. Англия же в свою очередь – словно скрипнув зубами от необходимости умерить пыл своей жадности – обязалась больше не демонстрировать своих притязаний на французский трон и не претендовать на власть над нормандским регионом.

Некоторое время люди боялись свободно вздохнуть: казалось, война может снова начать алчно выпивать все соки из противоборствующих королевств. Однако по всему выходило, что между Англией и Францией, наконец, воцарился мир.

Весть о прекращении войны довольно быстро разнеслась по городам и деревням французского королевства: путники, паломники, эмиссары и гонцы передавали ее из Бретиньи, словно она была единственно возможным глотком свежего воздуха. И хотя до ратификации мирного договора дело еще не дошло, люди словно чувствовали, что могут рассчитывать на продление мирного времени. Для многих эта весть стала истинным праздником. Элиза была в их числе.

Сколько дней она молилась Матери-Земле о том, чтобы эта затяжная война прекратилась! И вот, наконец, ее молитвы были услышаны.

В день, когда Элиза узнала об окончании войны, она с особыми надеждами ждала, что Вивьен придет к ней, чтобы сделать эту их совместную ночь по-настоящему незабываемой. Отдаваясь любви с удивительной страстью, всю силу которой Элиза будто сдерживала все это время, она чувствовала внутри себя дыхание свободы. Словно кто-то сбросил с нее оковы страха, неизвестности, напряжения и старой боли потери. Война была верным спутником всего, что происходило в Кантелё, она омывала берега сомнений Гийома. Возможно, именно она своими боевыми действиями и привела Ансея де Кутта в его странствиях в Руан и его близлежащие окрестности.

Завернувшись в одно из взятых с собой покрывал, Элиза села на колени на траву, глубоко дыша. Она нежно посмотрела на лежащего на спине Вивьена. Его лицо и часто вздымавшаяся в такт быстрому дыханию грудь в свете звезд и луны поблескивали от пота, на губах играла улыбка.

– Знаешь, – игриво хмыкнул он, – впервые наша ночь была похожа на настоящую битву.

Вопреки его ожиданиям, Элиза смущенно вжала голову в плечи. Вивьен нахмурился, приподнялся на локтях и тут же переместился в положение сидя, взяв Элизу за руку, выглядывавшую из-под покрывала.

– В чем дело? Я тебя задел? – спросил он.

Элиза покачала головой, печально улыбнувшись.

– Просто занятно, что ты сравнил мою любовь с войной именно в ту ночь, когда я так хотела показать, как счастлива воцарению мира.

Вивьен приподнял брови. Он понял, что сказал нечто обидное для нее, но так и не сумел прочувствовать, что именно. Оставалось так много граней души Элизы, которые он еще не познал. Он глубоко вздохнул, переместился и обнял Элизу, отчего-то подумав, что сейчас она может отстраниться. Она осталась на месте – молчаливая и задумчиво печальная.

– Моя очередь спрашивать, о чем ты думаешь, – невесело усмехнулся Вивьен. Элиза вернула ему усмешку и внимательно посмотрела на него.

– Не поверишь, но мысли мои занимает Ансель де Кутт.

Вивьен округлил глаза, постаравшись не показать всколыхнувшегося внутри волнения.

– Прости, но мне требуются пояснения, – нервно улыбнулся он. – Потому что в свои действия я тоже вкладывал... другой смысл.

Элиза хихикнула и многозначительно заглянула ему в глаза, в ее взгляде отразилось ощущение восторжествовавшей справедливости – своим ответом она смутила его так же, как и он ее недавно. Однако когда пришло время пояснять, Элиза вновь помрачнела.

– Я думала о том, что, возможно, война, которая длилась, кажется, всю мою жизнь, своей расстановкой сил и привела Ансея сюда. И он развернул свою маленькую войну прямо здесь – в Руане, в Кантелё. – Элиза смущенно взглянула на Вивьена, все еще ожидая, что он осудит ее за упоминание о прошлом, но он не осуждал. – Я ненавижу войну. Ненавижу ее за то, что она истощает и убивает мир, который мне так дорог.

Вивьен вздохнул.

– И Анселя – ненавидишь тоже, – понимающе кивнул он. Элиза встрепенулась.

– А вот ты, кажется, нет, – прищурилась она. – Я понимаю, ты не можешь ненавидеть его за то же, за что ненавижу я, у тебя нет для этого причин. Но ведь из-за него тебя и твоего лучшего друга *пытали!* Он чуть не лишил вас жизни, он... – Она смутилась. – Не мне об этом говорить, но он распространял свою ересь прямо под носом у инквизиции! И сбежал от правосудия. И, когда я говорю об этом с Ренаром, я чувствую его осуждение. Чувствую, что он ненавидит Анселя за предательство, за обман, за *ересь*, в конце концов. – Она качнула головой, вновь внимательно взглядевшись в лицо Вивьена. – Ренар ненавидит его и искренне хочет поймать. Но *не ты*. – Эти слова заставили его вздрогнуть. – Ты не ненавидишь его. Ты тактично молчишь каждый раз, когда о нем заходит разговор. Не выглядишь расстроенным, если вам с Ренаром не удастся поймать его. И иногда мне кажется...

Вивьен взглянул на нее серьезно и с полной готовностью к ее осуждению.

– Не ненавижу, – перебил он. Элиза взглянула на него непонимающе, однако, как ни странно, в глазах ее не сверкнуло той злости, которую он ожидал там найти. – Не могу.

Элиза нахмурилась и качнула головой.

– По твоему рассказу в ту ночь, когда я говорила о событиях в Кантелё, почему-то создалось впечатление, что он был тебе действительно близким другом, но как таковой почвы для этого я не обнаружила. Что вас связывало? Что *еще* помимо фехтовальных занятий и периодических походов в таверны?

Некоторое время Вивьен молчал. Он знал, что не сможет ей рассказать. *Пока* не сможет. Ему потребовалось довольно много времени на то, чтобы собраться с силами и произнести тот ответ, который был не меньшей правдой, чем тайна о каркассонской истории.

– Моя сентиментальность, – сказал он, наконец, и поморщился. – Поначалу я отнесся к Анселю с подозрением. Отчего-то будто ждал от него какой-то подлости, нападки, но чуть позже обнаружил, что ничего плохого не происходит, а я начинаю ждать встречи с несвойственным для меня нетерпением. Я много лет учил себя никогда не привязываться к людям из-за монашества, а после – из-за инквизиторской должности. И часто мне это удавалось. Здесь же, – он покачал головой, – я не ожидал, что это возможно, поэтому и не делал попыток отгородиться. А Ансель как-то ненавязчиво умудрился стать мне дорогим другом, и отделаться от этого отношения у меня, ты права, так и не получилось, хотя, видит Бог, я *пытался* его ненавидеть. Так было бы проще для всех. – Он виновато покачал головой и продолжил. – По прошествии некоторого времени с нашей первой встречи Ансель показался мне хорошим человеком. Вообще, я чувствовал, что в душе у него что-то сильно болит, и это не давало мне покоя. Я бы сказал, не дает до сих пор.

Элиза изумленно округлила глаза.

– Ты, что же... исцелить его хочешь?

– Пусть даже и перед смертью, – решительно кивнул Вивьен, тут же печально усмехнувшись. – Глупо, да? Даже учитывая, что после этого он ответит перед судом инквизиции и перед светскими властями за свои преступления, я беспокоюсь о спасении его души. Я не хочу, чтобы она переходила дальше – что бы ни ждало нас дальше – в таком состоянии.

Он замолчал и вновь тяжело вздохнул, устало потеряв переносицу. – Я не хотел об этом говорить, потому что догадывался, как отреагируете вы с Ренаром. Для вас это, надо думать, равносильно предательству – только уже с моей стороны.

Элиза не знала, что ответить. Строго говоря, Вивьен был частично прав, но что-то в том, как он говорил об Анселе, не позволяло ей осудить его.

«Он говорит правду», – удивленно осознала Элиза. – «Говорит правду о своих чувствах относительно Анселя. Он искренне дорожит им, несмотря ни на что, и не может изменить это, даже если хочет. Он над этим не властен, и кто я такая, чтобы осуждать его?»

Элиза смягчившимся взглядом посмотрела на него и слабо улыбнулась. Эта улыбка отчего-то заставила Вивьена поморщиться и отвести взгляд.

– Пожалуйста, не говори об этом Ренару, если сможешь. Он не поймет.

Элиза нежно прижалась к его плечу лбом.

– Я не скажу ему. Я, кажется, понимаю, о чем ты говоришь. Вряд ли у меня когда-нибудь получится умерить свою ненависть после того, что сделал Ансель, но я понимаю *тебя*. И твои чувства – я уважаю. Они, – Элиза улыбнулась, – благородные и честные. Прямо, как ты сам.

Вивьен глубоко вздохнул.

– Я никогда не считал себя таким.

– А я тебя таким *знаю*. Ты меня не переспоришь.

Он повернулся, провел рукой по ее щеке и поцеловал ее, после чего, отстранившись, сказал:

– Как истинный скромник, я бы должен попытаться, но не хочется.

Элиза заговорщицки сверкнула на него глазами.

– Правильный ответ.

Руан, Франция.

Год 1361 от Рождества Христова

Судья Кантильен Лоран сидел за столом, глядя на явившихся к нему по первому зову помощников и недовольно барабаня тонкими пальцами по столешнице.

– Эмиссар сегодня доставил доклад наших агентов в Лонгвилле, – неспешно начал он, ожидая, когда Ренар, стоявший напротив него, наконец, перестанет сонно щурить глаза и преисполнится готовности слушать.

Вивьен, уловив некоторое недовольство епископа, постарался натянуть на лицо ободряющую улыбку, хотя не был уверен, что у него в достаточной мере получилось, потому что Лоран смерил его не менее придиричивым взглядом.

– Я так понимаю, даже в мирное время люди продолжают обращаться в ересь? – вздохнул Вивьен.

– Не нужно быть мудрецом, чтобы до этого додуматься, – фыркнул Лоран. Что бы ни случилось в Лонгвилле, это явно привело епископа Руана в неприятное расположение духа. – Наши агенты подозревают, что несколько приходских священников исповедуют ересь и, что совершенно явно, тянут за собой в это болото своих прихожан.

Вивьен тут же понял, что именно так раздосадовало Лорана.

– Ясно, – вздохнул он. – Видимо, нам предстоит довольно долгая работа...

– Я склонен надеяться, что дела в Лонгвилле обстоят не настолько плохо, – проворчал Лоран, тут же нахмутив брови.

«Когда-то я надеялся на то же самое в Кантелё», – укоризненно вспомнил он.

– И все же, да, – Лоран усилием воли заставил себя говорить с меньшим раздражением. Он перестал барабанить пальцами по столу и сцепил руки в замок, – вам явно предстоит хорошенько там поработать. Местные власти, как водится, окажут вам все предписанное содействие. Бумагу, одобряющую ваши действия, я подписал, думаю, с ней вопросов возникнуть не должно. Собранные материалы дел ждут вас в Лонгвилле. Изучите их, допросите людей. Постарайтесь выяснить, как глубоко ересь проникла в город.

– Какая именно ересь, известно? – уточнил Ренар. Как и епископ, он пребывал в довольно мрачном расположении духа.

– Наши агенты упоминали о последователях Дольчино⁷, – туманно отозвался Лоран.

– Апостолики, – нахмурился Вивьен. – Стоит подумать, что какая-то ересь уже вымерла в наших краях, а ее побеги снова где-то появляются.

– Ты прав в этом неприятном наблюдении, – кивнул епископ. – Поэтому, чтобы этих побегов больше не появлялось, эту проблему следует решить незамедлительно. Вы отправляетесь сегодня же.

Ренар неуверенно качнул головой.

– Это долгая поездка. Как наше отсутствие скажется на работе отделения?

Лоран поджал губы, борясь с недовольством и беспокойством, мучившими его душу. Он не говорил, о чем ему *еще* довелось узнать. Его личные шпионы доложили, что в Руан в скором времени нагрянет проверка в лице высокопоставленного сановника – папского легата, архиепископа Амбрена. Похоже, вести о том, что скандальная история с Анселем де Куттом так и не разрешилась, в который раз дошли до папы, и он решил наконец показать свое недовольство.

– Отделение без инквизитора не останется, – хмыкнул епископ, отвечая на вопрос своего помощника. Он всеми силами старался отогнать от себя мрачные мысли о предстоящей проверке. – Просто сделайте то, что должны. Сейчас вам стоит сосредоточиться на этом.

«Может, будет даже лучше, если архиепископ, приехав сюда, не застанет этих двоих. Сейчас в Руане спокойнее, чем когда-либо», – подумал он.

– Будет исполнено, Ваше Преосвященство, – отозвался Ренар. Вивьен подтвердил слова друга уверенным кивком.

– Ступайте. Благослови вас Бог.

Рени крайне редко выбиралась в город – особенно в одиночестве. Обыкновенно, если она и приходила в Руан, ее сопровождала сестра. Станным образом Элиза, оставаясь в тесной связи с природой, умудрялась сохранять контакт с городскими жителями и самим городом. Она словно была посредником между Руаном и своей сестрой, которая с момента их остановки в заброшенном лесном домике после бегства из Кантелё изъявила желание пройти чуть дальше в лес, словно что-то влекло ее туда. Она отчего-то знала, что найдет в лесу другой заброшенный после чумных лет дом, который сумеет сделать своим пристанищем. Элиза пыталась поначалу остановить Рени, но быстро оставила попытки. Она никогда не знала, какая высшая сила помогает ее младшей сестренке ориентироваться в перипетиях судьбы, но что-то, похоже, помогало, и Элиза не раз убеждалась, что сила эта бережет Рени.

Домик и вправду нашелся – дальше в лесной чаще, окруженный густыми зарослями и словно вплетенный в дикий природный сонм. Элиза, когда Рени пригласила ее туда, помогла ей обустроить быт, и, отнесшись с подобающим уважением к уединению, которое сестра так ценила, предоставила ее самой себе, лишь изредка помогая по хозяйству.

Рени благодарила Элизу за заботу, которая, как она чувствовала, окружала ее нежным ореолом любви с детских лет. Возможно, сегодня именно из благодарности за эту заботу она не стала с рассветом приходить к Элизе, чтобы предупредить о своей спонтанной вылазке в город.

Когда первые лучи солнца еще не успели пробиться через густые кроны деревьев, Рени вдруг проснулась от птичьего пересвиста и ощутила удивительную бодрость. Ей давно нужно

⁷ Известный в конце XIII – начале XVI вв. ересиарх, возглавивший секту «апостольских братьев» (апостоликов). Выступал во главе народного движения, направленного против недостатков обогатившейся католической церкви. Действовал на территории современных итальянских провинций Новара и Верчелли. Казнен на костре в 1307 г.

было выбраться за покупками, однако по какой-то неведомой причине она оттягивала эту вылазку. До этого самого дня. Сегодня Рени поняла: *пора*. В глубине души она желала попросить Элизу отправиться с ней, но внутренний голос – слишком четкий и ясный – подсказывал ей, что стоит идти одной.

Для себя самой Рени объяснила свое намерение нежеланием беспокоить Элизу. В конце концов, сейчас сестра сильно переживала за своего возлюбленного, который вынужден был отправиться по срочному заданию в Лонгвилль. Он отсутствовал уже несколько дней, и было совершенно неясно, когда он собирается вернуться. Элиза старалась не давить на Рени своим беспокойством и пыталась скрывать периодические прерывистые вздохи и слишком задумчивые взгляды. Однако и без этих демонстраций Рени чувствовала, что внутренняя гармония, в которой обычно пребывает Элиза, не будет восстановлена, пока Вивьен не вернется к ней целым и невредимым.

«Она его очень сильно любит», – думала Рени, мысленно молясь Матери-Земле и обращаясь к ней с просьбой охранять и оберегать Вивьена Колера и Ренара Цирона. – «Я не должна стеснять ее, пока не почувствую, что очень нужна ей».

Осторожно миновав расставленные Элизой ловушки для охоты на дичь в лесу, Рени направилась по тропе в сторону Руана. Город едва просыпался от ночного сна, и Рени ожидала, что ей доведется еще некоторое время побродить по улицам, окаймленным каменными домами, прежде чем откроются все необходимые ей товарные лавки.

Город пульсировал какой-то совсем другой гармонией, непохожей на гармонию леса. Рени сызмальства чувствовала, что никогда не сможет подстроиться под ритм, в котором люди живут в городах, и лес будет ее последним пристанищем.

Поймав себя на подобной формулировке, Рени невольно задумалась о смерти – о том, какая она и что следует за ней. Какой будет новая жизнь? Что она принесет? Когда настанет? Девушка размышляла об этом с характерным для себя спокойным смирением, не понимая лишь, отчего именно сейчас эти мысли посетили ее.

Вдруг до Рени донесся какой-то шум. Чей-то гомон и... что-то еще. Как будто кто-то стонал и плакал за углом на расположенной рядом улице. Рени, не зная, что влечет ее туда, направилась на звук.

Когда она подросла, то услышала пару обрывочных ругательств и заметила, как несколько человек, презрительно усмехаясь, отходят прочь от исхудавшего мужчины в обносках. На спине и груди его потрепанной темной – то ли изначально, то ли от грязи – одежды были нашиты странные желтые кресты.

Рени искренне удивилась. Насколько она помнила, кресты были символами христианской веры. Почему те, кто называет себя христианами, проявили жестокость к человеку, на одежде которого были нашиты символы их веры?

«Странные», – подумала Рени. А ведь Вивьен не казался ей таким, когда говорил Элизе о своем веровании. И Гийом не был таким, и Ренар.

Повинуясь внезапному порыву, Рени приблизилась к упавшему на четвереньки человеку. Заросший грязной бородой, с иссальными волосами, отощавший незнакомый мужчина, упершись руками в дорогу, тихо хныкал от бессилия.

Рени приблизилась, не зная, чем может помочь этому несчастному человеку. Тот поднял глаза на рыжеволосую незнакомку и отшатнулся от нее, словно ожидая, что она причинит ему боль.

– Пожалуйста... – полушепотом произнес он.

Рени невольно приподняла руки.

– Я не обижу, – округлив глаза, тут же сказала она.

Мужчина уставился на нее, словно увидел перед собой нечто волшебное.

– Что с вами? Чем вам помочь? Почему эти люди... обижали вас?

– Кресты, – скорбно отозвался мужчина, шатко поднимаясь на ноги. Спина его горбилась, будто под гнетом душевной тяжести. – Уже почти два года я ношу это проклятье. Я и не знал, что это наказание будет таким жестоким! – Он покачал головой. – Добывать пропитание почти невозможно. Никто не желает оказать сочувствие еретику. – Он снова всхлипнул. Казалось, в лице Рени он нашел человека, которому мог открыть свою душевную боль. А она слушала, не понимая, что может сказать в ответ. Слово «еретик» она узнала, потому что довольно часто слышала его, когда Элиза упоминала Гийома и его странного учителя. Да и Вивьен с Ренаром периодически произносили это слово.

– Я сделал это ради дочери, – страдальчески заплакал мужчина. – Я выдал им всех, чтобы ее смогли спасти. Молодой инквизитор пообещал, что с ней будут хорошо обращаться в монастыре. Я не видел ее с тех самых пор, но молюсь, чтобы с ней было все хорошо.

Рени непонимающе покачала головой. Она опустила руку в свою дорожную сумку из грубой ткани, и извлекла оттуда несколько монет.

– Вот, – неуверенно произнесла она, протягивая монеты мужчине. – Это может немного вам помочь?

Тот, кто назвал себя еретиком, изумленно уставился на девушку.

– Вы дадите мне деньги? Подаяние? – недоверчиво переспросил он.

– Я не знаю, чем еще могу... у меня есть еще немного печенья... я взяла его с собой, чтобы перекусить, но вам нужнее! – Она полезла в сумку и с готовностью поделилась с этим странным человеком угощением, которое осталось с последнего визита Вивьена.

Не помня себя, мужчина выхватил монеты и печенья из протянутых рук Рени, будто боялся, что она передумает, а затем заключил ее в свои объятия, рассыпавшись в горячих благодарностях. Рени хотела отстраниться, но почему-то замерла. Мужчина продолжал твердить «спасибо» и бормотать какие-то молитвенные слова, на которые девушка понятия не имела, что может ответить.

Чуть поодаль от них на улице начали собираться какие-то люди, и Рени услышала обличительный возглас:

– Вот он! С этой рыжей.

– Ступай, сын мой, – спокойным, чуть глуховатым голосом отозвался кто-то другой. – Тебе воздастся за твою помощь.

Рени повернула голову и увидела перед собой мужчину в окружении солдат и нескольких монахов. Он был странно одет, на голове его сидел непомерно огромный, смотрящий ввысь головной убор, который невольно заставил Рени усмехнуться. Прежде ей никогда не доводилось видеть таких странных облачений.

Заметив приближающихся к ним людей, мужчина, назвавший себя еретиком, резко отстранился от Рени, едва ли не оттолкнув ее от себя. Он упал на колени перед незнакомым человеком в высоком головном уборе, когда тот остановился и заглянул прямо в глаза рыжеволосой девушке, которая даже не подумала почтительно поклониться перед ним.

Подождав некоторое время, но так и не получив от Рени ничего, кроме непонимающего, слегка удивленного взгляда, мужчина в необычном головном уборе скорбно посмотрел на нее и глубоко вздохнул.

– Объяснись, дитя, – снисходительно проговорил он. – Кто ты? Что ты здесь делаешь?

Рени инстинктивно отступила на шаг. Солдаты, сопровождавшие этого человека, сомкнулись плотнее, словно ожидали, что девушка попытается прорваться мимо них и бежать. Монахи остались неподвижны.

– Я просто вышла в город за покупками, – тихо ответила Рени.

– Вышла в город, – кивнув, повторил мужчина. – Ты не живешь здесь?

Рени снова оглядела его. Крепко сбитый, с квадратным лицом, длинным носом и острыми колкими глазами, он жил на земле уже явно больше пяти десятков лет, хотя сохранял

удивительно моложавый вид. Зоркий и цепкий взгляд его темных глаз внимательно изучал Рени: внешний облик, амулеты на шее, рыжие волосы, веснушки, платье...

– Где именно ты живешь? – продолжал спрашивать незнакомец.

– В лесном домике, – осторожно ответила Рени. Она внимательно вслушивалась в слова этого человека, потому что из-за странного выговора его было непросто понять. – Недалеко от города.

– Недалеко, – вновь кивнул мужчина, словно соглашался с собственными мыслями. – Скажи, дитя, что связывает тебя с этим человеком?

– Ничего, – честно отозвалась Рени. – Я просто дала ему денег и печенья.

– Когда я застал тебя в его объятиях, он что-то шептал тебе на ухо. Что именно?

– Слова благодарности, – покачала головой Рени. – И, кажется, молитву.

– *Кажется?* – вновь переспросил мужчина. Его манера постоянно переспрашивать показала девушке раздражающей. Тем временем он обратился к коленапреклоненному мужчине, который так и не решился подняться: – Ты был осужден святейшим судом инквизиции на ношение крестов, – утвердил он. – В какой ереси тебя уличили?

– Я состоял в секте вальденсов, монсеньор, но глубоко раскаиваюсь в своем прегрешении и надеюсь вернуться в лоно истинной Церкви.

Взгляд пожилого мужчины чуть смягчился.

– Как твое имя?

– Венсан.

– Как долго ты исполняешь свое наказание, Венсан?

– Уже два года, монсеньор.

– И за это время ты не впадал повторно в еретические заблуждения?

– Нет, монсеньор.

– До этого самого дня? – уточнил пожилой господин, и эти слова заставили Венсана сжаться от страха. – Какую молитву ты шептал этой женщине на ухо? И как давно ты знаком с нею?

Венсан протестующе покачал головой.

– Я вижу эту добрую женщину впервые! Она лишь проявила ко мне милосердие, монсеньор, прошу! Я молился святой Деве Марии о помощи и благословении для нее.

– Но, насколько я понимаю, вы, мадемуазель, обычно взываете не к Пресвятой Деве? – Тот, кого назвали «монсеньор» вновь обратился к Рени.

Она не ответила. Как и ожидалось.

Руан.

Гийом де Борд не горел желанием посещать этот город, однако на то был прямой приказ папы, адресованный архиепископу Амбрена как доверенному лицу, на которое можно положиться. Ему пришлось прервать свою деятельность по объезду гористых местностей своего прихода, где он проповедовал вальденсам, и отправиться сюда. Треклятый скандал, случившийся в этих краях четыре года тому назад, так и не был разрешен: катар Ансель де Кутт до сих пор пребывал на свободе. Гийому де Борду было поручено беспристрастно выяснить, замешаны ли в затягивании этого скандала сотрудники руанского отделения инквизиции. Заодно понять, что творится в этом городе – в общем и целом.

Поездка была спешной, и на то, чтобы собирать подробные сведения о незнакомом городе, к которому де Борд понятия не имел, как подступиться, особенно не было времени. Однако вкратце он узнал, что недавно здесь была обнаружена, допрошена и осуждена целая секта вальденсов. Некоторые из них даже были отправлены на костер. Де Борд отнесся к этому решению с крайней степенью неодобрения.

«Вальденсы – мирные и податливые люди. Я находил на них управу в окрестностях Амбрена не единожды, не дважды и даже не трижды, обходясь при этом спокойными методами,

преисполненными лишь доброты и умения убеждать! То, что Лоран этого не сумел, говорит лишь о том, сколь он не подходит на должность инквизитора».

При этом де Борд успел узнать о Руане и то, что некоторые его жители ходят за лечением от всякой хвори к некоей «лесной знахарке с золотистыми волосами», которая живет «недалеко от города в лесу». Она, по словам жителей, была «дерзка и диковата». Ритуалов колдовских за ней никто не замечал, да и как знахарка она была хороша, но ее показная независимость и уединенность настораживали де Борда. А еще он слышал, что она не носит креста. Он задумывался о том, чтобы вызвать эту женщину на допрос и хорошенько сбить с нее спесь. Но, похоже, знахарка нашла его сама.

Рыжеволосая девушка все молчала. Судя по всему, это была та самая знахарка: действительно диковатая, с пронзительным взглядом, явная одиночка, увешенная языческими амулетами, демонстрировавшими явное пренебрежение к христианской вере. А в рыжих кудрях и впрямь сиял золотистый блеск, особенно сильный на солнце.

Тяжело вздохнув, Гийом де Борд обратился к вальденсу Венсану.

– Венсан, сын мой, властью, данной мне Его Святейшеством Иннокентием VI, я разрешаю тебе снять кресты со своей одежды. Ты выдержал свое испытание с должным христианским смирением и отныне прощен.

Венсан изумленно поднялся с колен.

Архиепископ протянул ему руку с увесистым золотым перстнем, и прощенный еретик припал к нему губами, вновь начав обливаться слезами.

– Да благословит вас Бог, монсеньор!

– Ступай с миром, сын мой. Во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Он осенил еретика крестным знаменем.

– Аминь, – дрожащим голосом пробормотал Венсан, поспешив ретироваться. Печенья, которое дала ему Рени, упало на землю, но прощенный еретик не заметил этого. Он, похоже, совершенно забыл о добродетели рыжеволосой девушки, как забыл и о ней самой, несясь прочь по улице Руана.

Рени печально проводила этого человека глазами, вновь повернувшись к пожилому незнакомцу.

– Итак, – продолжил он. – Я расцениваю твое молчание как положительный ответ на свой предыдущий вопрос, дитя. Скажи мне вот, что: тебя ведь зовут Элиза?

Рени вздрогнула.

В тот же миг она поняла, за кого ее принял этот человек, и почувствовала грозящую сестре опасность. Осознав, что внутренний голос, похоже, заставил ее выйти в город в одиночестве этим утром, чтобы спасти Элизу, она преисполнилась решимости это сделать. У нее не было никого дороже сестры.

– Да, – гордо приподняв подбородок на манер Элизы, отозвалась Рени. – А вы кто?

– Архиепископ де Борд, дитя, – вздохнул он. – Боюсь, нам с тобой придется подробно поговорить о твоей деятельности в этом городе.

Рени настороженно сверкнула огромными зелеными глазами на окружавших архиепископа стражников и сделала шаг назад. Солдаты шагнули вперед, а архиепископ де Борд скорбно опустил взгляд в землю.

‡ 16 ‡

Задание в Лонгвилле оказалось не таким тяжелым, как пророчил Лоран. На деле в ереси апостоликов был уличен лишь один приходской священник, прознавший об этом учении после паломничества одного из своих прихожан в итальянские земли. Остальные двое, указанные агентами, лишь вели с ним беседы и уже сами готовы были подкрепить свои подозрения и сдать еретика инквизиции. После допроса сомнений в их искренности не осталось. И все же больше недели непрерывной работы ушло на то, чтобы поговорить с прихожанами и допросить их. В особенности священника и обратившего его паломника, приговорив тех к ношению крестов – именно это наказание обычно при схожих обстоятельствах назначал Лоран. Священник вдобавок был лишен своего сана.

Вивьен никогда не думал, что привычка к бессоннице может сослужить ему хорошую службу, однако там, в Лонгвилле, когда приходилось изматывать себя работой, почти не смыкая глаз несколько ночей подряд, он даже успел возблагодарить Бога за то, что это испытание придало ему выносливости.

Ренар к бессоннице был не приучен, поэтому всю дорогу до Руана ворчал, отчего-то при этом все же не позволяя лошади перейти на галоп. Прибыв в Руан уже после захода солнца, Ренар спешился и хмуро заявил:

– Не знаю, как ты, а я просто не в состоянии сейчас идти и докладывать обстановку Лорану. Я совершенно без сил.

Вивьен понимающе улыбнулся.

– Уверен, что отчет Его Преосвященству может подождать до утра. Или ты хочешь, чтобы я пришел к нему с докладом один?

Ренар покачал головой.

– Лично я сейчас просто хочу спать. Если у тебя есть желание, можешь доложить ему обо всем сам.

– Но ты надеешься, что у меня нет такого желания, – ухмыльнулся Вивьен, понимая, что Ренара совсем не радует то, в каком свете он выставит себя перед епископом, если не явится.

В ответ Ренар лишь красноречиво передернул плечами: совесть подталкивала его все же явиться в резиденцию Лорана, а тело и уставший разум упрямо продолжали диктовать свои условия. Вивьен терпеливо вздохнул.

– Не мучайся, я к нему не пойду, – сказал он. – Подождем до утра и все ему скажем. Новости хорошие, так что, думаю, он будет принимать в расчет именно это, а не то, что мы не явились к нему затемно.

Ренар благодарно кивнул.

– Спасибо, друг.

Несколько мгновений прошло в молчании, затем Ренар чуть склонил голову, изучающе поглядев на Вивьена, и вновь сощурился.

– А ты, я так понимаю, и не думаешь отправляться спать, верно? Норовишь наведаться к Элизе? – Он усмехнулся. – В этот раз ты не везешь ей в подарок книгу.

Вивьен опустил голову, и в уголках его губ показалась смущенная улыбка.

– В этот раз не везу. Неоткуда было достать. Так что просто проведаю Элизу и дам понять, что вернулся. Она в отличие от Лорана вряд ли так легко отреагирует, если узнает, что к ней я с хорошими вестями не явился сразу по приезду.

Ренар вздохнул.

– Что ж, хорошей ночи. – Он ослабился. – Надеюсь, завтра на службу не опоздаешь.

– Не опоздаю, – заверил Вивьен, на чем они с другом распрощались до утра.

Оставив лошадь в конюшне, Вивьен неспешным шагом двинулся по погружавшемуся в темноту городу в сторону лесной тропы, которая должна была привести его к дому Элизы. Двигаясь меж деревьев, он отчего-то ощутил странное, давно забытое беспокойство.

«Я думал, этот лес уже перестал на меня так действовать», – усмехнулся Вивьен про себя. Сколь бы много Элиза ни рассказывала ему, как хорошо чувствует природу и в каком единении с нею находится, она так и не смогла привить ему такого же свободного и вольного отношения к лесу. В лоне своенравной и дикой природы он продолжал чувствовать себя чужаком, незванным гостем, которому стоит вести себя как можно осторожнее и вежливее, чтобы его не прогнали отсюда прочь.

Вскоре дом Элизы замаячил мимолетным огоньком в темноте. Девушка не спала: в ее окне мелькал свет свечей.

«Наверное, Рени зашла к ней в гости», – подумал Вивьен. При мысли о том, что побыть наедине с Элизой не получится, он испытал сильную досаду, но тут же отругал себя за это. Если Рени сейчас гостит в доме сестры, это может значить только одно: за время задания в Лонгвилле с обеими девушками не случилось ничего дурного. Разве можно досадовать на это?

Вивьен улыбнулся и вздохнул, стараясь отогнать лишние мысли. Однако ему мешала необъяснимая тревога, которая не желала уходить, как бы он ее ни подавлял. Несмотря на все усилия, она разрасталась и нешуточно терзала душу Вивьена, поэтому расстояние до крыльца лесного домика он преодолел почти бегом, желая поскорее убедиться, что все хорошо, и унять это неприятное чувство.

Постаравшись вернуть самообладание, он настойчиво постучал в дверь.

Через пару мгновений в комнате послышались торопливые шаги. Дверь вскоре открылась, и Элиза возникла по другую сторону порога. Вивьен округлил глаза от удивления, отметив, что она выглядит непривычно уставшей. Элиза, обладая довольно щепетильным отношением к собственному самочувствию, сейчас предстала перед ним осунувшейся и взъерошенной, словно у нее несколько дней не было возможности хорошенько выспаться. В светлых волосах не позвякивало привычных украшений, косы явно не переплетались несколько дней и заметно потрепались. Даже платье выглядело непривычно заношенным, хотя обыкновенно Элиза не допускала такой неряшливости. Но еще больше Вивьена поразил взгляд, с которым девушка встретила его на пороге, и отчаянный уставший взгляд запавших глаз.

– Рени?! – почти выкрикнула Элиза в темноту. Вивьен с трудом сумел не отшатнуться от такого напора. В глазах Элизы, под которыми обозначились легкие темные круги, мелькнуло нешуточное разочарование.

– Не знал, что нас можно спутать, – нервно улыбнулся Вивьен. – Неужто не узнала?

Разумеется, она его узнала. Но в этот момент в ней словно что-то надломилось. Она покачнулась, схватилась за дверной косяк, но это не помогло ей сохранить равновесие, и она буквально рухнула в руки Вивьена, разразившись горькими слезами усталости.

Подхватив Элизу, Вивьен непонимающе застыл. Несколько мгновений он простоял, не шевелясь и выжидая момент, чтобы задать вопрос, способный прояснить случившееся. Его собственная тревога жаркой волной окатила тело. Он слотнул тяжелый подступивший к горлу ком.

– Элиза, – наконец обратился он, помогая ей устоять на ногах и сжимая ее плечи, чтобы она пришла в себя. – Элиза, что случилось? Что с тобой?

– Рени... – беспомощно повторила она, вновь расплакавшись и закрыв лицо руками. Вивьен развернул Элизу спиной к себе и аккуратно, но настойчиво подтолкнул в комнату.

– Так. Зайди в дом. Давай, – командным голосом произнес он.

Элиза не сопротивлялась. Оказавшись в доме, она обессиленно рухнула на скамью и снова закрыла руками лицо. В свете свечей она казалась постаревшей на несколько лет.

Рени в доме не было, и Вивьен уже начал продумывать все возможные варианты, *почему именно* горе Элизы может быть связано с сестрой. Картины в его разуме восставали удручающие.

Найдя кувшин, где Элиза обычно держала чистую воду, Вивьен наполнил глиняную чашку, присел рядом с девушкой и осторожно предложил ей попить.

– Ты должна сейчас успокоиться и рассказать мне, что произошло. – Он говорил ровным голосом, без требовательных ноток, однако привычная рабочая строгость зазвучала в его словах, и это отчего-то подействовало на Элизу отрезвляюще. Несколько раз всхлипнув, она приняла чашку с водой и дрожащими руками поднесла ее ко рту. Еще пара мгновений у нее ушла на то, чтобы собраться с мыслями.

– Рени пропала... – выдавила она. Лицо ее вновь исказила мучительная гримаса, заставившая сердце Вивьена сжаться. Ему невыносимо было видеть Элизу в таком состоянии, но он подавил в себе сочувствие. Если он хотел помочь, нужно было отринуть эмоции и с холодной головой установить, что произошло.

– Как давно?

– Я... – Элиза вновь всхлипнула. – Я не могу сказать наверняка. Но шесть дней точно прошло. По крайней мере, шесть дней назад я пришла к ней, и не обнаружила ее дома. С тех пор я не могу ее найти.

Вивьен нахмурился.

– Как выглядела комната? – спросил он. – Попытайся вспомнить: там был непривычный беспорядок, указывающий на признаки борьбы?

Элиза задумалась.

– Нет, – сокрушенно покачала головой она. – Все было... как обычно. Поначалу я не стала волноваться: решила, что Рени просто вышла собрать травы, ягоды или коренья. Она иногда так делает и не сообщает мне, что уходит – незачем ведь... – Элиза поморщилась. – Я решила подождать ее дома: она никогда не проводит за сборами трав слишком много времени. Но Рени все не появлялась. Я вышла в лес, побродила там, где она обычно бывает. Затем решила поискать еще дальше, в чаще. Потом вернулась к ней в дом, решив, что мы могли разминуться, но она не приходила. Я прождала почти весь день, места себе не могла найти. Даже решила чуть прибраться у нее: я иногда помогаю ей с уборкой, Рени бывает рассеянной...

Вивьен поджал губы и вздохнул. Пока Элиза этого не сказала, он намеревался самостоятельно наведаться в дом Рени и все осмотреть, но теперь любые следы борьбы, которые могли теоретически обнаружиться, были испорчены.

– То есть, у нее был беспорядок, но ты уверена, что Рени ни от кого не отбивалась, – уточнил Вивьен.

Элиза качнула головой. В ее словах зазвучало легкое раздражение:

– Говорю же, этот беспорядок был *привычным*, ничто не казалось странным. Кроме отсутствия Рени. А она даже к вечеру не вернулась...

– А каких-либо признаков того, что Рени могла куда-то уйти, ты не обнаружила? Пропавшие вещи? Отсутствие припасов?

Элиза обожгла его взглядом.

– Нет, – решительно заявила она. Вивьен покачал головой.

– Пойми, я ведь спрашиваю не просто так. Ты рассказывала, что в какой-то момент твоя мать отправилась в странствия. Рени не могла последовать ее примеру?

– И не сказать мне об этом? – почти обиженно воскликнула Элиза.

– Я просто предполагаю разные варианты, – примирительно сказал Вивьен. – А обличительные выкрики не помогают этого сделать, так что, будь любезна, сосредоточься и ответь на вопрос.

Элиза возмущенно округлила глаза, однако спокойный тон Вивьена заставил ее отнестись к его вопросу с *большим* вниманием. Она задумалась.

– В доме не было ее дорожной сумы, которую она берет с собой, когда мы выходим в город, – устало ответила Элиза. – Но при этом вещи ее не пропали.

– Ты в этом уверена?

Элиза вздохнула, подавляя раздражение.

– Во время уборки я нашла на ее столе мешочек с каменными рунами. Если бы Рени и ушла куда-то надолго, она бы *ни за что* не оставила свои руны. Я уж не говорю о том, что она *ни за что* не покинула бы эти края, не предупредив меня.

Вивьен кивнул.

– Ясно. Но при этом сумы, с которой она обычно ходит в город, там не было. То есть, Рени могла уйти в город?

Элиза неуверенно пожала плечами.

– Обычно она и об этом мне сообщает. Я всегда стараюсь ходить за покупками с ней вместе. Боюсь, что, если меня не окажется рядом, с ней может что-то случиться.

Вивьен снова отозвался кивком. Замечание о том, что и сама Элиза обладает потрясающим талантом привлекать внимание ненужных людей и попадать в истории, он решил попридержать.

– Сколько времени вы обычно проводите в городе, когда идете туда? – спросил он.

– Несколько часов, не больше. Я могу задержаться там на целый день, но Рени быстро устает от большого количества людей, ее тянет вернуться в лес. – Сокрушенно вздохнув, Элиза попыталась сдержать слезы. – Не могу себе представить, что бы могло заставить ее *добровольно* провести в городе несколько дней!

Вивьен тоже не мог этого представить. Ему на ум приходили лишь варианты, которые удержали бы Рени в городе *против воли*. Однако он не спешил подогреть и без того горячую тревогу Элизы и делиться с нею этими вариантами.

– Ясно. То есть, ближайшая зона поиска – Руан?

Элиза с тоской взглянула на Вивьена.

– Думаешь, я не искала ее там? – невесело хмыкнула она. – На следующий же день, убедившись, что она так и не появилась дома, я отправилась в город. Прошлась по всем местам, куда Рени могла бы пойти. Постаралась осторожно расспросить лавочников и торговцев, не видели ли они ее. – Она кивнула, заметив в его глазах всплеск беспокойства. – Я помнила о твоих советах, Вивьен, и была осторожна. Мне не нужно было привлекать внимание ни к себе, ни к своим поискам. Поэтому я интересовалась так мягко, как только могла. Я ходила в город несколько дней подряд, стараясь как можно скорее возвращаться в лес. Каждый день я проверяла дом Рени и окрестные поляны. Я искала *везде*, Вивьен, но... она словно исчезла!

Элиза вновь устало всхлипнула. Казалось, ей было тяжело держать спину прямой: плечи сгибались под гнетом нешуточной тревоги.

– Завтра вести поиски будет еще труднее, – покачала головой Элиза.

– Почему? – нахмурился Вивьен, хотя на деле понимал, что с каждым днем след Рени таял.

Элиза покачала головой.

– Я увидела с парой человек, которые часто ходят ко мне за снадобьями и настойками. – Она вздохнула. – Они предупредили меня, что в городе планируется казнь на костре. Я ненавижу на них бывать, но бываю, чтобы не привлекать внимания властей города и не показывать свое безучастие к... казни еретиков. – Элиза поморщилась. – А Рени на казнях не бывала никогда, ей слишком тяжело находиться в таком скоплении людей. Да и к тому же это слишком жестокое зрелище для такой, как она. – Элиза прерывисто вздохнула. – После казни люди некоторое время будут помнить и говорить только об этом. Даже если какой-нибудь лавочник

видел Рени и знает, куда она могла направиться, это выбьется у него из памяти. И тогда я не знаю, как буду ее искать.

Вивьен хмуро поджал губы.

«Что ж, видимо, Лоран не шутил, когда говорил, что Руан без инквизитора не останется», – думал он. – «И, похоже, он настроился воинственно, раз уж назначил казнь. Кого бы он ни передал светским властям, этот еретик должен был нешуточно упорствовать в своих заблуждениях. Лоран никогда не был приверженцем столь строгих мер».

– Что ж, – качнул головой Вивьен, – даже если люди забудут, я хорошо умею освежать память. – Он ободряюще положил руку Элизе на плечо. – Я заставлю их вспомнить, когда и при каких обстоятельствах они последний раз видели Рени, и выясню, куда она могла направиться. Возможно, она прознала о том, что нечто, необходимое ей, находится в каком-нибудь близлежащем городе, и решила отправиться туда, чтобы это приобрести.

Элиза с надеждой посмотрела на него.

– Это... может быть, – неуверенно произнесла она.

– А узнать нечто подобное она могла только у торговцев. – Вивьен улыбнулся. – Стало быть, начну расспросы с них. – Он внушительно кивнул, заглянув в усталые глаза Элизы. – Я найду ее, обещаю тебе, слышишь? Чего бы мне это ни стоило.

Огонек надежды в ее глазах разгорелся ярче прежнего. Она устало уткнулась Вивьену в плечо и снова всхлипнула. Он нежно погладил ее по волосам.

– Я же говорил, что люблю тебя и все, что тебе дорого. Рени мне не чужой человек, Элиза, поэтому я приложу все усилия, чтобы найти ее, пожурить за то, что заставила тебя так волноваться, и вернуть домой – целой и невредимой.

Элиза прерывисто вздохнула.

– Я не представляю, что бы делала без тебя, – отчаянно пробормотала она. – Я уже начала думать, что... – она запнулась, но заставила себя продолжить, – что Рени арестовали и держат в тюрьме. Но этого я никак не могла проверить.

Вивьен покачал головой.

– Послушай, в наше с Ренаром отсутствие все арестанты доставлялись прямиком к Лорану. Даже если Рени – не дай Бог – в тюрьме, я найду способ вызволить ее оттуда, как когда-то вызволил тебя. Лоран вряд ли обратит на это внимание. Раз уж он организовал *Sermo Generalis*, он совершенно точно все время нашего отсутствия занимался допросом какого-то еретика или нескольких. На фоне них Рени совершенно безобидна.

– Если Рени в тюрьме, как вы минуете стражу? – обеспокоенно спросила Элиза.

– Я инквизитор, – усмехнулся Вивьен. – Меня не станут спрашивать, куда я веду арестованную женщину. Стража не лезет в такие дела. А даже если и полезет, я придумаю, как потом оправдаться перед Лораном.

Элиза прерывисто вздохнула, и Вивьен поспешил сменить направление мысли на менее тревожное.

– А если ее там нет, стало быть, я спрошу людей и узнаю, куда она могла пойти. Думаю, Ренар тоже поможет мне в поисках. Или хотя бы выгородит меня перед Лораном, пока я буду ими занят. В любом случае, мы ее найдем.

Элиза, казалось, действительно обрела веру в положительный исход. Она кивнула, и в ее общем облике теперь было куда меньше рассеянности.

– Тебе нужно отдохнуть, – качнул головой Вивьен, – ты совсем измотана.

– Я... попытаюсь.

– Вот и хорошо. А поиски предоставь мне.

– Спасибо тебе, – тихо отозвалась Элиза.

Вивьен не стал медлить с исполнением своего обещания и поднялся со скамьи.

– Отдыхай, – настоятельно повторил он. – Все будет хорошо.

Элиза благодарно кивнула. Вивьен хотел поцеловать ее, но подумал, что сейчас не лучший момент. Кивнув на прощание, он решительно направился к двери. Лишь когда та закрылась за ним, Элиза устало взглянула ему вслед и прошептала:

– Я люблю тебя.

На улицах Руана совсем стемнело, когда Вивьен приблизился к зданию тюрьмы. Всю дорогу его не оставляли дурные предчувствия. Пока он говорил с Элизой и убеждал ее в том, что с Рени все в порядке, он искренне верил собственным словам, но понимал, что в первую очередь должен исключить самую плохую возможность.

«Если она там, я просто освобожу ее, как освободил когда-то Элизу. Рени не хватятся, она не представляет угрозы. Перед завтрашним *Sermo Generalis* ее исчезновение из тюрьмы просто померкнет, а я... я придумаю, как выгородить Рени перед Лораном. Пусть назначит мне наказание, если сочтет нужным, пусть даже хоть снова отправляет в допросную, я с этим разберусь. Первым делом, если Рени в камере, важно увести ее оттуда. Остальное потом».

Вивьен не хотел думать о том, что будет после, хотя и понимал, что придется просить Элизу забрать сестру и на время уехать подальше от города. По крайней мере, пока все не уляжется.

«Мы переживем это», – думал он, стараясь унять бешено колотящееся сердце. – «Мы обязательно это переживем».

Он без труда прошел мимо стражников. Те обменялись с ним парой приветственных фраз, Вивьен буркнул ответы, не задумываясь, и целеустремленно направился туда, где томились заключенные. Обыкновенно узников держали в камерах по несколько человек для экономии места – только во время разгара чумного пламени и пару лет после заключенные, ввиду своего малого количества, могли «довольствоваться» нахождением в камере в одиночестве. Поначалу даже считалось, что подобные меры могут сдержать распространение болезни, если она проникнет в эти стены, однако чума – если она проникала в город – была неумолима и выкашивала население без разбора, не щадя ни старых, ни молодых, ни женщин, ни мужчин, ни еретиков, ни праведников.

Со временем, когда страна начала понемногу оправляться от чумы, узников – грязных, искусанных вшами и блохами, пропахших собственным потом и резким запахом отхожих горшков, которые менялись с незавидной редкостью – снова начали размещать по несколько человек.

Каждый раз, когда Вивьен приходил сюда, это место повергало его в уныние. Будь его воля, он никогда не ходил бы по этим коридорам, но, будучи инквизитором, он не мог себе этого позволить. Во время каждого своего появления здесь Вивьен будто чувствовал, что его ноги затягивает какое-то болото, и они начинают двигаться медленно, нехотя и с ощутимым трудом. После того, как ему самому пришлось провести неделю в этих застенках, неприятное чувство только окрепло. Однако сейчас он шел быстро и с болезненным, перепуганным энтузиазмом осматривал мрачные клетки одну за другой.

Поначалу Вивьен подумывал спросить о Рени у стражников, однако не стал этого делать. Вместо того он взял один из факелов с подвеса на стене и стремительно двинулся по темному коридору. Сердце бешено стучало в груди, и его стук, казалось, отражался от стен. Вивьен был уверен, что его волнение сейчас может уловить каждый заключенный, однако некоторые из них – измученные тюремной жизнью – даже не проснулись, когда он приблизился к их клетке с факелом в попытке найти среди них рыжеволосую девушку.

Дверь за дверью, камера за камерой, решетка за решеткой...

Не находя Рени, Вивьен каждый раз вздыхал с облегчением. Ему даже стало казаться, что сама идея обнаружить ее здесь – абсурд. Наверняка она просто отправилась в другой город, иначе и быть не могло.

«Рени с ее удивительно развитым предчувствием просто не могла оказаться здесь, это немислимо!» – думал Вивьен, вспоминая рассказ Элизы о том, как ее сестра, повинувшись сиюминутному порыву, решила собрать вещи для побега из Кантелё. И все же, даже вера в умение Рени предчувствовать опасность и вовремя от нее сбегать не заставила Вивьена уйти прочь из этого мрачного коридора.

Кто-то из томившихся в темнице людей издавал слабые стоны, и им вторили другие узники, однако звуки, отразившись призрачным гулом от сводов стен, быстро тонули во мраке, как только факел удалялся и снова погружал тюрьму в темноту. В некоторых камерах держали только женщин, однако ни в одной из заключенных невозможно было даже близко признать Рени. Оставалось миновать лишь несколько дверей.

«Еще немного и поиск можно будет продолжать в другом месте. Нужно лишь убедиться, что Рени здесь нет. Господи, пожалуйста, пусть ее здесь не окажется! Пусть она просто отправится в другой город за покупками... пусть она...»

Кто-то тихо ахнул в темноте, заставив Вивьена замереть и едва не выронить факел из вмиг ослабевшей руки.

Голос был женским. Знакомым.

Там, в конце коридора располагалась камера – небольшая, рассчитанная на самое маленькое количество узников. На негнущихся ногах Вивьен медленно, будто оттягивая неизбежное, приблизился к решетчатой двери, держа факел перед собой.

Спутанные, слипшиеся рыжие волосы сверкнули, поймав отблеск дальнего пламени. Тонкие руки – прежде белые, а нынче с вьющейся в них грязью – прильнули к прутьям решетки и ухватились за них. Вивьен замер, выставив факел перед собой, и уловил в его свете блеск потухших зеленых глаз.

– Рени! – выдохнул он и тут же ринулся к одному из пустующих подвесов на стене, чтобы освободить руки от факела. – Боже, почему ты здесь?

Едва руки освободились, он кинулся к клетке, опустился на колени и припал к двери, словно к мощам святого, оказавшись как можно ближе к сидящей на полу девушке. Разум отказывался верить в то, что видели глаза.

– Тс-с-с, – прошептала Рени, когда Вивьен оказался рядом с ней. Для верности она взяла его за руку и внушительно взглянула на него. – Зови меня Элизой.

Рени говорила шепотом, но ее слова показались Вивьену чрезмерно громкими. Он непонимающе округлил глаза, отчего-то ощутив, как от этой просьбы холодок пробегает по его спине.

– Э... Элиза... – с трудом выговорил он. Рени кивнула. – Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попала?

Рени на миг замешкалась. Потом печально опустила голову.

– Меня арестовали на улице.

– За что?

– Заметили в обществе еретика. Расспросили о моей вере. Обвинили в колдовстве...

Вивьен покачал головой и заговорил едва слышным шепотом.

– Ты просила называть тебя Элизой. Тебя арестовали, думая, что ты – это...

– Да. Т-с-с, – вновь умоляюще прошептала Рени. – Об этом не должны узнать. Это опасно для нее.

Вивьен понимал ее беспокойство за сестру, однако не сумел не возмутиться такому проявлению заботы.

– А для тебя нет? – нахмурился он.

Рени тяжело вздохнула.

– Со мной уже все ясно.

– Все нет! Не теперь. Я вернулся, я смогу...

– Тебе лучше не быть здесь сейчас, Вивьен, – перебила его Рени. – Уходи, чтобы у тебя не было неприятностей. Прошу тебя, поспеши!

Вивьен нахмурился сильнее прежнего. Было странно слышать от этой девушки подобное предупреждение. Как ни странно, оно действительно заставило его внутренне напрячься, и какая-то часть его души пожелала немедленно послушаться, но Вивьен одернул себя.

– Я тебя здесь так не оставлю, – решительно заявил он, начиная выстраивать в голове план. Рени снисходительно покачала головой. Она выглядела удивительно спокойной, даже смиренной. Вивьен в который раз убедился, что совершенно не умеет читать в душе этой девушки. Что заставляло ее преисполняться такого странного умиротворения? И этой... что это было? – обреченность? Покорность? Личный слом?

– Вивьен, ты не сможешь мне помочь. Уходи, пожалуйста. Тебя не должны здесь видеть.

Он внимательно посмотрел на нее, вновь обратившись к своему опыту общения с арестантами. Как мог, он постарался отринуть мысли о том, что перед ним не чужой человек, а Рени, и на него почти сразу снизошло откровение. Ему уже доводилось видеть такое смирение в глазах арестантов, и вызвано оно бывало чаще всего лишь одним: муками допроса.

– Тебя допрашивали?

Рени опустила взгляд, и Вивьен понял, что ответ – положительный. Ее *пытали*. Судя по ее изможденному виду и учитывая примерно неделю, проведенную в тюрьме – не так жестоко, как могли, но для той, кого всю жизнь берегли даже от жестоких зрелищ, и этого было более чем достаточно. Это смогло сломить ее, вселить в ее душу безнадегу и отчаяние. Однако был и положительный момент: судя по всему, Рени ослабла не до такой степени, чтобы не суметь идти. А значит, ее получится вывести и не придется нести на руках, что существенно замедлило бы передвижение.

– Так. Ясно, – вздохнул Вивьен. – Ничего не бойся, я вытащу тебя отсюда.

– Вивьен...

– Ни слова больше не говори. Пойдешь со мной, я проведу тебя через стражу, нас пропустят. Со мной – пропустят.

– Вивьен, пожалуйста, пойми...

– Хватит бояться за то, что у меня могут быть неприятности! – строго оборвал он. – Сейчас неприятности *у тебя*. Я инквизитор, мне стража перечить не станет. А твоего исчезновения даже никто не заметит, за это я готов поручиться.

Он резко вскочил и уже рванул за ключами, однако чьи-то шаги, сопровождаемые всполохами факела, отвлекли его. Он замер, через пару мгновений различив в темноте коридора Кантильена Лорана. Тот был одет в простую сутану францисканца, подпоясанную веревкой. Лицо его заметно осунулось, на нем будто лежала печать усталости, плечи горбились, глаза выглядели запавшими.

– Так и знал, что это ты, – устало произнес епископ.

– Ваше Преосвященство... – оторопело замер Вивьен.

Лоран склонил голову, смерив подопечного недовольным взглядом.

– Я просил стражу докладывать мне лично о любых странностях. И вот стражник доложил мне, что в тюрьму среди ночи зачем-то явился один из моих подопечных – взволнованный и будто *одержимый*. Он не уточнял, кто именно, но сомнений у меня не было. Что ты здесь делаешь, Вивьен?

В первые мгновения молодой инквизитор не знал, что ответить. Собравшись с силами, он соглотнул тяжелый подступивший к горлу ком и вопрошающе кивнул, осмелившись попросту проигнорировать вопрос и взять разговор в свои руки.

– Ваше Преосвященство, за что арестовали эту женщину?

– Я думаю, ты и сам прекрасно это знаешь.

– Как я могу это знать, если только сегодня вернулся из Лонгвилля? – процедил сквозь зубы Вивьен.

Лоран вздохнул.

– Я вижу, что ты пытаешься сделать, Вивьен. Выступить в роли дознавателя и перетянуть на себя управление разговором, либо хотя бы выровнять его, чтобы не попасть под удар. Но это я научил тебя этим методам. Неужели ты думаешь, что я их не распознаю?

– Ваше Преосвященство, я лишь хочу...

Лоран приподнял руку, обрывая его на полуслове.

– Ты слишком много лжешь, Вивьен, и я уже не знаю, как перестать сомневаться в твоей преданности делу. Быть может, эта колдунья сделала тебя таким? Опоила каким-то из своих зелий? Наслала морок?

Голос Лорана был сухим, почти надтреснутым. Он бросил мимолетный опасливый взгляд на Рени, но его глаза быстро преисполнились сочувствием.

– То есть, ее держат здесь за колдовство? – спросил Вивьен.

– По-твоему, это недостаточная причина? – невесело усмехнулся Лоран.

Вивьен качнул головой.

– Обыкновенно это недостаточная причина, *по-вашему*. Эту женщину пытали, ее держат здесь, как...

– Ее держат здесь по приказу архиепископа де Борда, приехавшего из Амбрена для проверки нашего отделения, – отчеканил Лоран. – Он арестовал ее на улице с еретиком и допрашивал самолично в обществе наших палачей, и оба палача нынче слегли с неизвестной хворью. Это *достаточная* причина, чтобы держать ее здесь, Вивьен. И *достаточная* причина для того, чтобы *ты* тотчас же захотел держаться от нее как можно дальше. – Епископ качнул головой. – Но ты не хочешь. Я спросил, что ты делаешь здесь, лишь с целью послушать, будешь ты лгать или скажешь правду. Я слышал твои слова: ты хотел ее отпустить.

Вивьен вытянулся.

– Ваше Преосвященство, взгляните на нее: она ведь еще фактически дитя...

– Зло не всегда безобразно на вид, и тебе об этом прекрасно известно. Не попадайся на ее чары, Вивьен, она околдует тебя. Если, конечно, *уже* этого не сделала.

Вивьен прерывисто вздохнул.

– Вы ведь не думаете так... – умоляюще произнес он, качая головой.

– Меня пугает твоя убежденность в ее невинности, учитывая, что тебя, *как ты и сам заметил*, здесь не было больше недели, и ты не видел, как слегли палачи.

– Это могла быть любая хворь, почему вы думаете, что...

Епископ вновь поднял руку.

– Довольно! – воскликнул он. В ответ из нескольких камер донеслись сонливые и немного настороженные стоны других арестантов. – С меня достаточно твоих вольностей, Вивьен. Сейчас я уж точно не намерен их терпеть, когда Его Святейшество прислал своего легата проверить, как идут дела в нашем отделении. С меня довольно скандалов, мне не нужны проблемы с тобой. Я даю тебе выбор: ты проявишь покорность или займешь свое место на завтрашнем *Sermo Generalis* на соседнем столбе со своей колдуньей.

Вивьену показалось, что земля ушла у него из-под ног.

– Завтрашнем... *Sermo Generalis*? – тупо переспросил он, хотя слова о покорности встревожили его не меньше: он боялся даже представить, какую именно покорность сейчас имеет в виду радикально настроенный судья инквизиции.

– Завтра утром эту женщину казнят, – холодно произнес Лоран. – За то зло, что она причинила, за языческие обряды и за колдовство. Таково решение архиепископа де Борда. Точнее, решение светского суда. Но ты и сам знаешь процедуру.

Вивьен ощутил дрожь во всем теле. Он не осмелился оглянуться на Рени. Все происходящее казалось ему ночным кошмаром. Это не могло быть правдой! Просто не могло.

– Но ведь папа может...

– Вот уж чего я точно не стану делать, так это посылать Его Святейшеству прошение о пересмотре приговора столь подозрительной личности, – вспыхнул судья Лоран. – Все обвинения против нее справедливы. Завтра утром ее казнят.

Вивьен почувствовал, что бледнеет. Он опустил голову и покачал ею, не желая верить в услышанное.

– Ты ее казнишь, – еще более холодным тоном скомандовал епископ.

На этот раз Рени тихо ахнула в своей камере, но Вивьен все еще не позволял себе посмотреть на нее. Он не мог поверить своим ушам.

– Что? Я? Но, Ваше Преосвященство, инквизиторы... не должны...

– Грех я тебе отпущу, – покачал головой епископ, нехорошо усмехнувшись, чем вызвал у Вивьена прилив почти животного гнева. – Ты обязан сделать это, чтобы доказать, что не попал под чары. К тому же, оба палача слегли и бьются в лихорадке, и исполнять их обязанности должен был солдат стражи, однако твоя кандидатура видится мне здесь лучшим решением. Так ты смоешь с себя пятно подозрения в сговоре с ведьмой. Или же займешь свое место рядом с ней.

«Боже, этого не может быть! Это не может происходить на самом деле!» – Вивьен опасался, что вот-вот лишится чувств. Сжечь Рени на костре? Или отправиться на костер вместе с ней?

– Ваше Преосвященство, я... – Он не сумел выдать ни слова.

Обезумевшим взглядом он посмотрел на епископа, но тот оставался тверд в своем бесчеловечном намерении. В разуме Вивьена возникла шальная мысль убить епископа прямо сейчас. Убить его, освободить Рени, привести ее к Элизе, сбежать с ними как можно дальше от Руана... возможно, и из Франции...

«Не получится», – понимал он. – «Инквизиция не оставит нас в покое после такого преступления. Да мне и выйти отсюда после этого не дадут. А даже если случится чудо, нам не удастся уйти далеко, нас догонят. Совершить такое преступление и уйти безнаказанными невозможно. И кого за нами отправят? Ренара?.. Нет, у меня ничего не выйдет... все пропало...»

– Ты ее *знаешь*, – устало заметил Лоран. – Я так и думал. – Он покачал головой. – Это из-за нее «случайно погиб» тот проповедник, которого ты допрашивал?

Вивьен покачал головой.

– Базиль Гаетан умер в допросной, но он совершил самоубийство.

– Продолжаешь упорствовать, – глубоко вздохнул Лоран. – Что ж, как знаешь. Вивьен, мне известно, то ты и Ренар – не самые праведные и сдержанные люди на свете. Я не дурак и давно понимаю, с кем имею дело. Но на этот раз я не смогу закрыть на это глаза. Приехал папский легат, который уполномочен проверить нашу добросовестность. Чтобы нас всех за наши промахи не лишили сана и не отправили в изгнание, мы – каждый – обязаны чем-то пожертвовать. Ты поступишь так, как я приказал, или отправишься на костер. Решать тебе.

Вивьен заставил себя взглянуть на Рени. Она смотрела на него своим пронзительным взглядом. Едва заметный кивок послужил ответом.

– Если вы знаете о нашем... знакомстве, – севшим голосом выдавил Вивьен, – вы позволите мне хотя бы... попрощаться? Прошу...

Лоран несколько мгновений смотрел на него, затем кивнул.

– Я буду ждать в конце коридора. Ночь ты проведешь запертым в келье в моей резиденции. Для надежности.

Вивьен ощутил себя так, будто что-то нанесло ему тяжелый удар в грудь.

«Я не смогу предупредить Элизу. Я никак не смогу с ней связаться, не смогу ничего объяснить... она увидит на *Sermo Generalis* меня, а мне придется сжечь ее сестру...»

Эти мысли едва не свели его с ума.

Епископ кивнул.

– Недолго, – приказал он и начал неспешно удаляться.

Когда шаги Лорана смолкли в коридоре, Вивьен рассеянно припал к решетке и покачал головой.

– Я... – начал он, но не смог произнести ни слова.

Рени поднялась с пола, протянула руку и нежно провела по его волосам в знак успокоения. Она словно заранее знала, что события обернутся именно так.

– Послушай меня, Вивьен, – с удивительным смирением заговорила Рени. – Ты *должен* это сделать. Должен согласиться на эти условия. Нельзя, чтобы казнили нас обоих. Ты знаешь, *она* этого не переживет.

Вивьен мучительно сморщился.

«А то, что я лично стану твоим палачом, она, думаешь, переживет?» – спросил он про себя, но не сумел выдать это вслух. Это было невыносимо.

– Ты сумеешь ей все объяснить, – мягко проговорила Рени. – Я ведь поэтому и сказала: ты не сможешь мне помочь. Я не делала ничего, чтобы те люди заболели, но все здесь уверены, что это я наслала на них проклятье. Уже не выйдет доказать им, что я невиновна. Но ты – ты не обязан расплачиваться за это вместе со мной. Если хочешь сберечь *ее*, ты должен повиноваться.

Вивьен почувствовал, как его горло что-то сдавливает. Он зажмурился, словно это могло помочь ему сбежать от страшного кошмара.

– Я не могу...

– У тебя нет выбора, – вздохнула Рени. – *Теперь* его нет. Он был бы, если бы ты послушал меня и ушел вовремя. Но не сейчас.

Вивьен издал тихий стон бессильной злобы.

– Боже... – прошептал он.

– Вивьен, – Рени снова заговорила мягко, словно успокаивала ребенка, – мы еще встретимся с тобой. В *следующий* раз. Я не боюсь.

«Я – боюсь», – возразил он внутренне, но снова промолчал.

– Утешь ее, – попросила Рени. – Кроме тебя у нее больше никого не осталось.

Он мучительно взглянул в ее спокойные, смиренные глаза, невольно пожелав поменяться с нею местами.

«Я так виноват! Боже, милостивый Боже, избавь меня от чаши сей, она мне не по силам!»

– Ты этого не заслужила... это нечестно...

– Это уже не нам судить. – Рени взглядела вдаль, в темноту коридора. – А теперь тебе нужно идти. Ты должен повиноваться, Вивьен. Ради нас всех.

Опустив голову и сжав кулаки на решетке, он еще пару мгновений простоял молча, затем отступил от камеры. Он знал, что Рени права. Понимал, что, окажись он на костре, на соседнем столбе окажется и Ренар: пусть ему простили обучение у Ансея, работу в обществе предателя инквизиции ему с рук вряд ли спустят. И – как знать! – возможно, *Sermo Generalis* тогда отложат, и этот архиепископ из Амбрена приступит к допросу Вивьена и Ренара со всей сурово-

стью, и тогда кто-то из них неминуемо расскажет об Элизе – о *настоящей* Элизе. Если Вивьен не повинуется приказу, он навлечет беду на всех.

– Прости меня... – произнес он.

Рени устало вздохнула.

– Это не твоя вина, – прошептала она.

Воцарившееся молчание было зловещим, тягучим и болезненным. Похоже, и Рени больше не могла выносить его.

– Иди, – полушепотом произнесла она.

Словно в тумане Вивьен повернулся спиной к камере и направился в темноту коридора, оставив факел висеть на стене. Он двигался во мраке и думал, что теперь только из движения в темноте и будет состоять вся его жизнь.

Лоран встретил его в условленном месте.

– Ты принял решение?

Вивьен не ответил, но его потускневший взгляд говорил сам за себя. Епископ в сопровождении своего помощника молча отправились в резиденцию.

Тебе воздастся за то, что вынудил меня так поступить, – говорил какой-то чужой голос внутри Вивьена, и он не смел противиться ему. Он испытывал к епископу тихую ненависть, гулкий бас которой более не старался заглушить. – *Ничто уже не будет, как прежде. Ты будешь жить в вечном страхе потерять то, что считаешь дорогим, и страх этот притворится в жизнь. Ты потеряешь все и будешь умирать с осознанием этого...*

Вивьен бездумно переставлял ноги, пока дверь кельи не закрылась за ним на ключ с обратной стороны. Не помня себя, он прислонился спиной к стене, безвольно съехал по ней, внутренне ругая себя за то, что не повиновался сиюминутному порыву и не убил епископа прямо в тюрьме.

Закрыв руками лицо, он содрогнулся от болезненной волны, пробежавшей по его телу, и заплакал навзрыд.

Ни одна ночь прежде не казалась Вивьену такой бесконечно долгой. И даже томительное ожидание в кабинете Лорана, решавшего судьбу Кантелё, не было таким тяжелым.

Несколько раз за эту ночь Вивьен вскакивал и начинал расхаживать из стороны в сторону по келье, мучаясь бессилием. Не в силах совладать со своими чувствами, он снова пытался позволить рыданиям выйти наружу, но слезы больше не шли, из горла рвались лишь протяжные тихие стоны, а боль в груди – должно быть, именно там, где находилась душа – ощущалась почти физически.

Хватаясь за стены и молотя по ним, сбивая в кровь костяшки пальцев в приступах отчаяния, Вивьен мысленно растягивал ночь, но часть его, казалось, противилась этому и, наоборот, призывала первые лучи солнца скорее возникнуть на небосводе. Словно его душа разделилась на две половины: одна из них все еще сопротивлялась судьбе, а вторая смирилась с неизбежным и хотела лишь прервать муки ожидания.

Так или иначе, оставалось всего несколько часов. А после на площади соберутся люди, и Элиза, затерявшаяся среди толпы, увидит, как из возлюбленного Вивьен превратится в палача.

Он мучительно скривился, ухватившись за пульсирующие болью виски.

«Не думай об этом, не думай об этом! Ты сделаешь только хуже!»

Но не думать он не мог. Вивьен уже знал, что Элиза не простит его, как бы он ни пытался объясниться с нею. Возможно, не стоило и пытаться? Вивьен раз за разом представлял себе

холодный, полный ненависти взгляд Элизы, и ему казалось, что это окончательно сломит его и без того пошатнувшуюся волю.

Это было слабостью. Нельзя было привязываться к Элизе так сильно, нельзя было позволять себе любить ее. И все же по-настоящему пожалеть об этом не получалось. Впрочем... была ли разница?

«Так или иначе, уже завтра я потеряю все», – с горечью подумал он и тут же отругал себя за то, что позволяет себе думать только о собственных чувствах. А как же Рени? Ведь ему предстоит стать ее палачом! Ее ждет страшнейшая, мучительная казнь, а он смеет задумываться о том, как отнесется к нему после Элиза? Какое право он имеет жалеть себя, зная о том, что обязан сделать с Рени?

И все же отогнать мысли о себе и о собственных чувствах он не мог.

Эта бесконечная ночь, которую он торопил и оттягивал одновременно, перетекала из одних терзаний в другие. Вивьен не сумел ни на минуту сомкнуть глаз, но нимало этому не удивился. Он знал, что бессонница не упустит такую возможность помучить его и даже думал, что она не оставит его *больше никогда*.

Рени не могла видеть первые лучи солнца в своей камере, но каким-то образом ощутила наступление утра. Она знала, что скоро за ней придут, однако почему-то не испытывала страха. Рени была уверена, что боль страшной казни, к которой ее приговорили, обойдет ее стороной, словно Мать-Земля успокаивающе шептала ей это на ухо.

Вскоре в коридоре послышались одинокие шаги.

Рени прильнула к прутьям своей клетки, понимая, что человек, явившийся сюда в этот ранний час, пришел по ее душу. Через несколько мгновений она узнала в своем посетителе человека, который приказал Вивьену провести казнь. Он по-прежнему был в простой серой сутане, подпоясанной грубой веревкой, хотя за минувшие дни Рени доводилось видеть его в более ярком и помпезном наряде. Она смотрела на этого человека, и ей казалось, что такое одеяние словно бы помогает ему спрятаться от кого-то, стать менее заметным, преуменьшить собственную значимость.

– Здравствуй, дитя, – тихо произнес епископ Лоран. Его лицо все еще хранило следы усталости и казалось изможденным. Похоже, этой ночью Лоран не сомкнул глаз.

Он смотрел на Рени выжидающе, словно для него было важно услышать от нее в ответ хоть что-то, но она промолчала. Судья Лоран вздохнул и приблизился к ней. Говорил он тихо, и его было едва слышно:

– Ты должна знать: мне очень жаль. Я сочувствую твоей участи. Господь свидетель, я бы не пожелал ее тебе, будь моя воля.

– Но воля не ваша, – отозвалась Рени несколько мгновений спустя. Отчего-то из уважения к этому человеку она тоже решила не повышать голос и говорить почти шепотом.

Лоран не спешил ни соглашаться, ни возражать. Он сделал еще несколько шагов к решетке ее камеры, и Рени заметила в его руке небольшой стеклянный невзрачный пузырек, запечатанный маленькой пробкой. Внутри пузырька виднелась какая-то жидкость.

– Что это? – спросила Рени.

Судья инквизиции чуть помедлил с ответом, но затем решился:

– Способ облегчить твою участь. Я наблюдал за тобой во время допросов и слышал в твоих словах не зло, а попытку кого-то защитить. Ты в чем-то солгала архиепископу, верно? В чем-то важном.

Рени подозрительно уставилась на него, но промолчала. Лоран не сводил с нее глаз и с каждым мгновением только убеждался в своей правоте. Рени не знала, что будет, если она скажет хоть слово, поэтому хранила молчание и была готова продолжить, даже если ее прикажут снова отвести в допросную комнату. Она не знала, сколько сможет выдержать, но готова была держаться до последнего. В прошлый раз предел наступил после второго ожога каленым железом – тогда Рени рассказала инквизиторам о Фелис. Тайну о существовании своей тетки она сохранить не смогла, а Элизу уберегла только потому, что о ней не было задано ни одного вопроса. Рени до сих пор не знала, чем обернется для Фелис ее признание, но надеялась, что удача будет сопутствовать тетушке и не оставит ее.

В тот же день допроса, приговорившись снова отдать приказ приехать Рени, человек, представившийся де Бордом, начал расспрашивать о всяких небылицах: о встречах с другими колдуньями, о странных ритуалах с неким козлом, о каких-то поцелуях в интимные части тела некоему сатане, о чьей-то крови, которую колдуньи применяют для ядов...

За болью Рени толком не различила его вопросов, она потеряла сознание. А после оба палача слегли с какой-то хворью, и приговор был тут же вынесен. Архиепископ де Борд позже в компании епископа Лорана приходил к камере девушки и произносил какие-то одним им понятные проклятия отлучения, хотя Рени не знала, что именно ей могут сулить эти слова. Не понимала она и того, к чему эти проклятья, раз она никогда не была крещена как христианка, и отлучение от Церкви ничего бы у нее не отняло.

Позже ей назначили казнь. И вот теперь человек по имени Лоран снова расспрашивает ее.

– Ты о ком-то не рассказала? Дело в Вивьене? Его ты пытаешься защитить? – Лоран сурово нахмурился. – Не старайся, он выполнит приказ и докажет свою верность делу...

Девушка осталась бесстрастной к его словам, и Лоран недоверчиво прищурился. Она знала Вивьена, в этом не было сомнений, но защищала она не его.

– Был кто-то, кроме твоей тетки, кто учил тебя колдовству?

Рени снова промолчала – на этот раз напряженно.

Лоран опустил голову и тяжело вздохнул, ощутив, как усиливается давящая на него усталость. Защищать кого-то высокой ценой – ему ли было не знать, каково это!

– Ты и вправду пытаешься защитить кого-то, не боясь отдать за это собственную жизнь. – Он покачал головой. – Что ж, я не стану тебе в этом мешать. – Епископ протянул Рени пузырек, и та с опаской приняла его, тут же начав рассматривать. – Прими это, как только я уйду. Так будет лучше... насколько это возможно.

– Это яд?

– Это то, что поможет тебе не испытать мучений на костре. И да смилуется Господь над твоей душой. – Лоран осенил девушку крестным знаменем, развернулся и направился прочь.

Рени молча смотрела ему вслед.

Прошло несколько минут, прежде чем она открыла пузырек, настороженно понюхала содержимое и, решив, что это и есть послание Матери-Земли, выпила все до последней капли. Следом она разбила пузырек о стену и осторожно сгребла осколки и пробку в самый темный угол камеры.

Дверь в келью открылась, и в коридоре показался Кантильен Лоран в епископском облачении. Позади него маячило двое стражников.

– Пора, – коротко произнес епископ, стоя в дверях.

Вивьен сидел, прислонившись спиной к стене на каменном полу, подтянув к себе колени. Когда епископ отпер дверь, Вивьен еще пару мгновений держал голову опущенной.

Епископ выждал, пока молодой инквизитор поднимется и выпрямится перед ним. Он всеми силами заставлял себя не избегать смотреть в его отравленные пустотой глаза – в какой-то момент ему даже показалось, что Вивьен вот-вот объявит ему, что готов принять участь мученика и сгореть на костре вместе с ведьмой, лишь бы только не исполнять бесчеловечное указание. Однако этого не произошло. Он молча вышел из кельи, окинув двух солдат таким же пустым взглядом, и побрел по коридору, глядя прямо перед собой и в никуда одновременно.

По улице Вивьен двигался, ничего не различая вокруг.

Sermo Generalis проходило на главной площади Руана. К моменту, когда Вивьен прибыл на место в сопровождении двух стражников, главную площадь уже наводнили люди. В отличие от крупных Sermo Generalis, приуроченных к какому-либо празднику или государственному событию, это – было не таким грандиозным. Посреди площади был установлен небольшой помост с позорным столбом, напротив которого рабочие за ночь возвели кафедру для представителей светской власти и духовенства.

Палачам обычно отводилось место позади помоста. Они выжидали того момента, когда светский суд зачитает приговор, и арестанта – или арестантов – приведут на место казни. Обыкновенно арестанта выводили под конвоем солдат из тюрьмы в чистой одежде и проводили по расчищенному проходу через толпу обывателей. Одному еретика выделяли нескольких стражников-конвоиров, которые должны были следить за тем, чтобы приговоренного к казни не покалечила толпа. Инквизиторы, передававшие неисправимых еретиков светским властям, считали это проявлением милосердия и говорили, что еретик не должен восходить на свой костер искалеченным. Сейчас, стоя позади помоста на месте палача, Вивьен понимал, сколько лживости в этом постановлении. Он и прежде задумывался об этом, но никогда ему не приходилось так явно испытывать горечь этого лицемерия. Мысль эта посетила Вивьена будто бы издалека. Сейчас он почти ничего не слышал – ни улюлюканья толпы, ни шума, ни выкриков – ничего. Звуки тонули для него в каком-то неясном тумане, словно его душа лишь частично пребывала в этом мире. Остальная ее часть потухла, когда он понял, что именно собирается совершить.

Тем временем в толпе все же происходили некоторые изменения. Издали до Вивьена начали долетать какие-то выкрики, но он не мог сконцентрироваться на них. По опыту он знал, что люди, наблюдавшие за тем, как арестанта ведут на помост, неустанно выкрикивали то, что так одобряло духовенство: предложения отречься от ереси, вернуться в лоно святой Церкви, молить о прощении грехов и спасении своей души. Наверное, они делали то же самое и сейчас, когда солдаты вели к помосту Рени.

«Господи, прости и помилуй мою грешную душу. Хотя бы Ты – сумеи меня простить, потому что сам я себе никогда этого не прошу. Лучше бы я выбрал умереть вместе с Рени. Лучше бы принял смерть от огня, лучше бы...»

Он оборвался на этой мысли, потому что вынужден был признать: не только по просьбе Рени он согласился на условия Лорана. И не только опасность утянуть за собой на помост Ренара и Элизу стали тому причиной. На самом деле, условие было принято потому, что Вивьен боялся костра. Боялся такой казни и не хотел умирать. Сгибаясь от отвращения к собственному малодушию, он признавал, что готов был жить даже с таким тяжким грехом на сердце, но не готов был во имя чистоты помыслов отправиться на костер. Вивьен понимал, насколько низко может пасть в глазах Элизы из-за этого, но даже этот позор в глубине души он готов был принять перед страхом собственной мучительной смерти.

«Только не костер!» – стучало где-то в глубинах его сердца, и он ненавидел себя за это. Ему не раз доводилось видеть такую казнь, не раз доводилось слышать крики тех, кого сжигали живо. Это страшная боль – самая страшная, которую только можно вообразить, и Вивьен

понимал (сейчас – отчетливее, чем когда-либо), почему еретики частенько перед самой казнью падают на колени и вымаливают прощение, предавая все, во что верили. Не признаваясь в этом даже себе, он презирал их за малодушие, но знал, что, будь он на их месте, и он бы вымаливал прощение, соглашаясь на любое наказание, лишь бы остаться в живых. Огонь пугает. Огонь неумолим и беспощаден.

Только не костер...

Тем временем конвой солдат возвел Рени на помост. Кто-то из них начал привязывать ее к столбу, и Вивьен осмелился поднять на нее глаза. Она стояла к нему спиной, и частично ее загораживал стражник. Спутанные рыжие волосы сейчас, при дневном свете казались будто поредевшими и тусклыми. Плечи Рени горбились, словно она провела много часов за тяжелой физической работой, и сейчас мечтала об одном – уснуть.

«Надо думать, она тоже ночью не сомкнула глаз», – подумал Вивьен, и вдруг почувствовал, как душа его вновь возрождается из своего отстраненного состояния лишь для того, чтобы погрузиться в целый омут боли. Вивьен прерывисто выдохнул, невольно приложив руку к груди, когда сердце с удивительной силой стукнулось о ребра и словно ухнуло вниз – не к ногам, а в самую Преисподнюю. Видеть Рени такой было невыносимо.

«Я не стану этого делать! Сожгите меня к черту вместе с ней, я не оставлю ее с этой участью в одиночестве!» – вскричала его душа, но страх костра тут же затопил разум Вивьена, вызвав в теле приступ дурноты. Что-то в животе словно завязалось тугим узлом и готово было вот-вот лопнуть.

«Я боюсь... я не смогу пройти через это достойно... я... ничтожество...»

Кулаки Вивьена невольно сжались, голова опустилась, глаза зажмурились, и душа вновь погрузилась в то раздвоенное, отстраненное состояние, будто могла таким образом уберечься от боли, убежать от нее.

Выкрики толпы смолкли, и в относительной тишине, на которую способен город, зазвучала зычная и звонкая речь, произносимая чьим-то незнакомым голосом. Вивьен попытался прислушаться, понимая, что прямо сейчас слышит человека, который вынес Рени смертный приговор, но не мог уловить и осознать ни единого слова. Где-то на границе разума он успел еще раз отметить необычность этого *Sermo Generalis*: обыкновенно приговор зачитывали не церковные, а светские власти. Архиепископ Амбрена же решил отойти от традиций – возможно, таким образом он считал, что бережет представителей светского суда от опасных проклятий ведьмы. Этот человек говорил с непривычным южным выговором, который Вивьену доводилось слышать несколько лет назад в Каркассоне. И тем сложнее было понимать архиепископа Амбрена. Вивьен сумел различить лишь то, что приезжий папский легат назвал осужденную девушку *Элизой*.

«А ведь Элиза сейчас где-то там, в этой толпе. Она уже видит Рени, она уже понимает, что произойдет. Она слышит, что Рени назвали не тем именем. Господи, прошу Тебя, пусть люди в толпе не выдадут ее! Сохрани ей жизнь, молю Тебя!»

Новая мысль поразила его, словно молния, и Вивьен вновь едва не согнулся от сердечной боли: а ведь Элиза, должно быть, до сих пор ждет, что ее возлюбленный – инквизитор, у которого есть какое-то подобие власти – вмешается и остановит это. Она, возможно, все еще верит, что казнь не состоится, что Рени будет спасена.

«Боже... за что?» – мучительно опустив глаза, Вивьен почувствовал, как из уголков глаз катятся слезы.

– Отче? – В его терзания вдруг ворвался голос стражника, сопровождавшего его от самой кельи. – Ведь палач – вы?

Все существо Вивьена содрогнулось от этих слов. Тем временем второй стражник протянул ему зажженный факел.

– Его Преосвященство попросил подсказать вам, когда нужно выходить на помост, если вы забудетесь... – неуверенно произнес он. – И сейчас... пора.

Вивьен рассеянно принял факел. Ноги – словно набитые соломой ноги тряпичной куклы – начали послушно выводить его в поле зрения толпы и поднимать на помост. Вивьен шел, опустив глаза. Он не смел повернуться к толпе, не смел пытаться искать Элизу.

Тело его замерло на нужном расстоянии от привязанной к столбу Рени.

«Посмотри на нее!» – приказал какой-то голос внутри Вивьена, и он безвольно подчинился. Боль будто на миг стала сильнее, но тут же отлетела еще дальше.

Рени уже не стояла у позорного столба – она словно бы повисла на путях, ноги были не в силах удержать ее в вертикальном положении без посторонней помощи. Вивьен почувствовал, что факел в его руке дрожит.

«Как же она измучена! Как слаба», – страдальчески подумал он. На задворках разума мелькнула мысль о том, что накануне вечером он не заметил, что она находилась в таком плачевном состоянии.

Вивьен понимал, что медлит с исполнением приговора. В толпе начался беспокойный шум. Нужно было исполнять приказ, иначе *Sermo Generalis* просто растянется до того момента, пока не организуют *еще один* костер.

Только не костер!..

Вивьен взгляделся в лицо Рени – лишь теперь он решился на это. Она будто почувствовала на себе его взгляд и чуть повернула голову в его сторону. Лицо ее было удивительно расслабленным и ничего не выражало, кроме усталости. Тяжелые потемневшие веки готовы были сомкнуться в любой момент, однако Рени нашла в себе силы взглянуть в глаза своему убийце.

«Предатель», – заклеил себя Вивьен, мучительно содрогнувшись под усталым взглядом девушки.

– Прости меня... – одними губами произнес он.

Рени попыталась разомкнуть уста, словно хотела что-то сказать, но не смогла. Голова ее безвольно опустилась на грудь, и тело расслабилось, будто от пережитых мук она лишилась чувств. Вивьен знал, что как только горячие языки пламени лизнут ее кожу, она пробудится, и ей придется пережить самое страшное в своей жизни, однако малодушно решил, что если и зажигать костер, то только сейчас.

Мучительно поморщившись, он приблизился к столбу и опустил факел в несколько мест, как это обычно делали палачи. По толпе пролетели одобрительные возгласы, и послышались более воинственные выкрики. В них Вивьен уловил слова «Гори, Ведьма!» и вновь почувствовал укол боли.

«Стервятники! Негодяи!» – вопило что-то внутри него.

Ноги сами развернули его спиной к занявшемуся костру и повлекли прочь от помоста. Он толком не помнил, как сошел вниз, как прошел мимо стражников. Звуки толпы спасительно закрыли от него те крики, которые он так боялся услышать.

– Отче! – окликнул стражник будто издалека. Вивьен не обернулся. Он продолжал безвольно идти прочь от этого страшного *Sermo Generalis*, ненавидя себя и проклиная. – Господин инквизитор!

Он не реагировал на зов.

Руан сделал перед глазами крутой оборот, звуки смешались в единую кашу, через которую уже невозможно было что-то различить. В последний момент Вивьен осознал, что земля стремительно приближается к нему, и попытался хоть как-то скорректировать падение. Мгновение спустя все вокруг накрыла спасительная блаженная тьма.

Поначалу ворвавшийся в беспамятство внешний мир был темным. Вивьен почувствовал, что пробуждается, и попытался открыть глаза, но изображение перед ними до сих пор немного плыло. Он несколько раз моргнул, и лишь тогда сумел узнать пространство, в котором находится – это была та самая келья, в которой его запретили на эту ночь.

«Неужели весь этот ужас был только кошмарным сном, и сейчас он вот-вот повторится?» – облившись потом, подумал Вивьен, тут же рванувшись с жесткой койки вверх. Его встретила резкая головная боль, ударившая в затылок. Издав короткое недовольное мычание, он придержал больное место и нащупал довольно крупную шишку.

– Не стоит так резко, сын мой, – проговорил кто-то с непривычным для Нормандии южным выговором. – При своем падении ты довольно сильно ударился головой. Но лекарь сказал, ничего серьезного. Просто ушиб.

Вивьен перевел рассеянный взгляд на пожилого человека, говорившего с ним. Он был одет в помпезный наряд архиепископа, его головной убор лежал рядом с ним на скамье, которую, похоже, принесли сюда совсем недавно – ночью ее здесь не было. Гладкая большая тонзура поблескивала в свете одиноко горевшей свечи.

«Выходит, казнь свершилась», – с тоской подумал Вивьен. – «Я не спал, я... лишился чувств?»

– Что... – заговорил он, но голос предательски охрип, и понадобилось несколько мгновений, чтобы прочистить пересохшее горло, – что со мной было?

– Ты лишился чувств, сын мой. После казни ведьмы. – Архиепископ ободряюще улыбнулся, подтвердив свои слова легким кивком головы. Он выглядел удивительно молодо, однако морщинки вокруг глаз выдавали его возраст. Немного угловатое, квадратное лицо казалось дружелюбным и добрым, но глаза при этом смотрели строго, словно оценивали каждое движение Вивьена. – Похоже, этот опыт сильно повлиял на тебя. Вкупе с бессонницей, которой ты страдаешь, разумеется.

Вивьен нахмурился, потеряв ушибленный затылок.

– Вы... знаете о бессоннице, Ваше Высокопреосвященство? – спросил он, стараясь держаться с архиепископом почтительно и сдерживать ненависть, которую на деле испытывал к нему за тот приговор, что он вынес Рени.

– О ней поведал твой друг Ренар. Он подоспел, когда ты лишился чувств недалеко от площади, и распорядился перенести тебя сюда, а затем позвал лекаря. Похоже, он нешуточно беспокоится за тебя. Это напоминает заботу одного боевого товарища о другом. Полагаю, именно такое беспокойство друг за друга вы и чувствуете – почти воинское, особенно после длительных осмотров монастырей в чумные годы. – Он снисходительно качнул головой. – Если взглянуть, вы действительно больше напоминаете воинов, нежели слугителей святой Церкви.

Вивьен нехорошо усмехнулся.

– Ваше Высокопреосвященство хорошо осведомлены о нашей деятельности и не слишком нами довольны, – констатировал он.

Архиепископ соединил подушечки пальцев.

– Я не выражал недовольства вашей деятельностью, но не одобряю того, что вы пренебрегаете правилами. – Губы его досадливо покривились. – Взять хотя бы ваши волосы...

Вивьен снова не удержался от усмешки.

– Нас с Ренаром не успели постричь в монахи. Его Преосвященство забрал нас из Сент-Уэна раньше.

Он не стал упоминать о том, что и сам Лоран пренебрегает тонзурой – приезжий архиепископ, будучи ярым приверженцем правил, разумеется, не преминул отметить это.

– И вы носите оружие.

– Папа этого не запрещает, – нахмурился Вивьен.

– И все же предпочтительнее, чтобы духовное лицо воздерживалось от применения оружия.

– От применения, но не от *ношения*, – возразил Вивьен. – Применять нам его не придется, а его наличие после осмотра чумных монастырей добавляет нам уверенности. Можете назвать это привычкой. Зная, что оружие при нас, мы более спокойно спим по ночам на выездных заданиях.

– Судя по твоей бессоннице, оружие не делает твой сон крепче, сын мой.

– Если Ваше Высокопреосвященство прикажет, я откажусь либо от оружия, либо от сна.

О втором я и так уже подумывал.

Вивьен ненавидел указывать на свои проблемы или слабости кому бы то ни было, однако на этот раз он счел это отличным способом уколоть этого формалиста.

– Отказываться ото сна неразумно, и я ни за что бы этого не потребовал, – смиренно покачал головой архиепископ.

– Итак, бодрствуйте, – усмехнулся Вивьен, цитируя Евангелие, – ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру, чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими.

– Надо думать, это твой любимый отрывок, сын мой, – усмехнулся архиепископ, заставив Вивьена нахмуриться. Тем временем он продолжал: – А если возвращаться к ношению оружия: оно ведь обязывает вас подпоясывать сутану не веревкой, как положено скромному духовному лицу вашего сана, а кожаным ремнем.

– Что ж, – кивнул Вивьен, подавив вскипевшее раздражение, – тут вы правы, Ваше Высокопреосвященство, от традиции приходится немного отступить. Но, увы, у *скромных духовных лиц нашего сана* попросту нет возможности обеспечивать себе платный эскорт в виде нескольких солдат. А единожды накопить денег на кожаный ремень – возможность была.

Архиепископ оценивающе улыбнулся.

– Ты остер на язык, как о тебе и говорили.

Вивьен прищурился, но ничего не спросил.

– Я не преминул поговорить с твоим другом Ренаром о случившемся, – продолжил архиепископ. – Нечасто увидишь, чтобы инквизитор лично приводил в исполнение казнь. Я за все годы своей службы Святому Престолу никогда такого не видел. Это было необычным решением. Я хотел послушать версию твоего друга о том, почему такое могло случиться. Мне было любопытно, насколько она будет отличаться от того, что рассказал мне епископ Лоран.

Вивьен напрягся, поняв, что от него требуется *еще одна* версия случившегося. Он не знал, что именно рассказали Ренар и Лоран. Не выдал ли Ренар тайну Рени? Не сказал ли, что ее назвали чужим именем на казни?

– Я полагаю, теперь вы хотите услышать, что расскажу вам я?

– Если ты готов исповедоваться мне в смертном грехе, сын мой, – миролюбиво кивнул архиепископ. – Ведь тебе необходимо это сделать, чтобы окончательно смыть с себя историю этой ведьмы.

Вивьен поморщился.

– Я исполнял приказ Его Преосвященства, будучи слугой Господа. Не думаю, что мне следует исповедоваться в этом, – не сдержав легкой воинственной нотки в голосе, отозвался Вивьен.

Архиепископ окинул его оценивающим взглядом.

– Ты коришь себя за то, что сделал, – сказал он, и это не было вопросом. – Стало быть, епископ Лоран сказал правду – ты знал эту женщину.

И снова – это не было вопросом. Вивьен промолчал, чем вызвал у своего высокопоставленного собеседника глубокий тяжелый вздох.

– Понятно, – улыбнулся он. – Что ж, это не единичный случай в нашем деле. Человеческая натура слаба, и мы далеко не всегда в силах устоять перед красотой, которой дьявол наделяет колдовские отродья. Ты явно пылок сердцем, и твоя молодость, – он особенно подчеркнул это слово, – лишь способствует этому. Недаром таких юных людей не одобряют на должности инквизиторов.

Вивьен передернул плечами.

– В чумные годы, знаете ли, выбирать не приходилось: тогда осталось не так много людей, кто бы доживал до сорока.

Южанин кивнул.

– С этим спорить трудно. К тому же стоит учитывать ваши с Ренаром заслуги: вы хорошо проявили себя в те годы, и Господь милостиво не отметил вас бубонами чумы. Стало быть, Его воля состоит в том, чтобы вы оставались на ваших постах. *Пока.*

Вивьен предпочел проигнорировать его угрожающий тон.

– И если возвращаться к этой колдунье, – архиепископ недовольно цокнул языком и поморщился, – то, между нами говоря, тебя трудно винить в твоём влечении к ней, сын мой. Видит Бог, эта Элиза действительно была хороша собой. Но ты доказал свою преданность Господу, исполнив приказ епископа Лорана. Теперь дьявол прибрал свою колдунью к рукам, и ей уготованы вечные муки в аду.

Вивьен хранил молчание, стараясь удержать взметнувшуюся в душе чернильную злобу.

– Тебе стоит облегчить душу, сын мой, – миролюбиво произнес архиепископ. – И это будет затруднительно, если ты продолжишь молчать.

– Прошу простить, – качнул головой Вивьен, – я запомнил ваше имя, Ваше Высокопреосвященство. Я едва успел расслышать его прошлой ночью, когда епископ Лоран сообщил о вашем прибытии.

– Монсеньор Гийом де Борд, архиепископ Амбрена, папский легат, – не без гордости представился южанин. – А ты, насколько мне известно, Вивьен Колер. Интересное... имя.

Вивьен вновь поморщился.

– Это прозвище, которое дали моему отцу в Монмене. Так вышло, что это единственное мое наследство.

– Твой отец обладал суровым нравом?

– Он был... гневлив, – нехотя отозвался Вивьен.

– Все ясно, – смиренно кивнул де Борд. – По всему выходит, что ты по жизни привык переносить всякого рода тяготы стоически. И не привык открывать свою душу – особенно тем, кого едва знаешь.

Вивьен не удержался от кривой усмешки.

– Вы прекрасно умеете читать в людских душах, монсеньор.

– У меня большой опыт общения с людьми, – миролюбиво улыбнулся он. – Заглянув в души множества вальденсов в окрестностях Амбрена, я сумел убедить их в том, что они заблуждаются. Я действовал на их души добротой, а не страхом, и это помогало им исцелиться от ереси. Помните, епископ Лоран упоминал, что ты придерживаешься похожих позиций. Хочешь *исцелять* ересь. Кажется, с подобным предложением ты не раз просил епископа Лорана дать тебе доступ в архив, где ждала часа своего уничтожения еретическая литература.

Вивьен молчал. На провокации де Борда он поддаваться не собирался.

– Твоя недоверчивость – следствие того, что однажды тебе довелось пройти через допросную комнату вашего отделения?

Вивьен скрипнул зубами.

– Ваше Высокопреосвященство, вы со всеми говорите столь подробно?

– С теми, с кем считаю нужным. – Де Борд склонил голову. – Согласись, сын мой, твоя персона не могла не заинтересовать меня, учитывая, что ты приводил в исполнение приговор. Епископ Лоран довольно опасно упоминал, что ты усердно трудишься и предан богоугодному делу Святой Инквизиции, но обладаешь крутым нравом, и у тебя некоторые проблемы со смирением. – Его глаза изучающе сузились. – Епископ Лоран также упоминал, что и ты, и твой друг довольно тесно общались с Анселем де Куттом, беглым катаром, из-за которого произошла трагедия в Кантелё.

Вивьен тяжело вздохнул.

– Мы общались. В основном – в рамках фехтовальных занятий.

– Насколько мне известно, не только.

– Иногда мы ходили в таверны.

– И за время вашего тесного общения вы – два служителя Господа, два *инквизитора* – не распознали в нем еретика? – прищурился де Борд. – При том, что епископ Лоран вас обоих называет старательными и способными дознавателями.

Вивьен удержался от того, чтобы неуютно поежиться. Как удержался он и от того, чтобы спросить: «Это допрос?». Он невольно вспомнил свой разговор с Анселем, состоявшийся незадолго до событий в Кантелё. Теперь он прекрасно понимал, как неуютно было Анселю под градом прицельных вопросов о несуществующем поселении под названием Кутт.

Вивьен вздохнул.

– У нас не было причин сомневаться в человеке, которого Его Преосвященство пригласил для нашего обучения, – ответил он. – Подобные сомнения чреватy неблагоприятными последствиями.

– Как и недалновидность, – наставническим тоном сказал де Борд.

Вивьен усмехнулся.

– Если выбирать между недалновидностью, продиктованной доверием Его Преосвященству, и подозрительностью, подразумевающей недоверие к оному, я выберу первое. Неблагоприятные последствия может нести и то, и другое, но лишь одно содержит преданность своему епископу.

Де Борд оценивающе хмыкнул.

– Ты остроумен, Вивьен, – протяжно проговорил он. – И находчив.

– Я искренен, Ваше Высокопреосвященство, не более.

– Что ж, если б это было не так, думаю, допросная комната установила бы это, – сказал де Борд. – Я хотел бы спросить у тебя еще кое-что. Скажи мне, Вивьен, как сбежавший еретик Ансель де Кутт относился к тебе и Ренару?

Вивьен пожал плечами.

– Полагаю, непросто. За годы обучения он привязался к нам и искренне хотел считать нас друзьями, но открыться нам он, конечно же, не мог, потому что тут же был бы арестован. Не рискну предполагать, собирался ли он пытаться обратиться к нам в ересь – не думаю, что ему хватило бы смелости. Да и он был не настолько глуп и самонадеян. Во всяком случае, теологических бесед он с нами не вел.

Де Борд слушал с серьезным видом. Поняв, что Вивьен завершил мысль, он кивнул.

– И за годы, миновавшие с его побега, Ансель де Кутт не пытался каким-нибудь образом встретиться с вами или выйти на связь?

Вивьен покачал головой, с трудом сохранив невозмутимость.

– Нет, – отозвался он. – Наоборот, он всячески пытался скрыться от нас.

– И ему успешно удастся это по сей день, – вздохнул де Борд. – Чем бы ты мог объяснить, что он так и не был схвачен?

Вивьен опустил голову.

– Возможно, тем, что он хорошо успел изучить наш с Ренаром образ мысли, поэтому ему удается ускользать от преследования. А возможно, ему в этом помогает сам дьявол: он ведь уходит не только от нас – агенты Его Преосвященства тоже не могут его поймать.

Де Борд поджал губы.

– Это верно, – задумчиво пробормотал он. Мгновение спустя он ударил себя по коленям и решительно поднялся со скамьи. – Что ж, сын мой, не стану больше утомлять тебя расспросами. Возвращаясь к тому, с чего мы начали: ты привел приговор в исполнение, и это было богоугодным делом. Тебе не стоит корить себя за свершенное деяние, ибо такова была воля Господня. Однако ты послужил орудием Его, и теперь тебе следует очистить свою душу исповедью. Возможно, ты не захочешь, чтобы исповедь у тебя принимал я – у тебя ведь есть свой духовник – но не советую тебе затягивать с этим. Не стоит надолго оставлять такой груз на душе.

Вивьен кивнул, хотя понимал, что никогда в жизни не сможет позволить себе искреннюю исповедь – ведь те тайны, что он хранил, нельзя было рассказывать никому. Существовала тайна исповеди, и духовник не должен был никому рассказывать о том, что услышал от своего прихожанина, однако если откровения человека имели отношение к ереси, любой священник незамедлительно докладывал об этом в инквизицию.

– Я это учту, Ваше Высокопреосвященство.

Де Борд направился к двери.

– Отдыхай, сын мой. Набирайся сил. Надеюсь, после смерти греховной колдуньи, дела с твоей бессонницей пойдут на поправку.

С этими словами он покинул келью.

Вивьен обессиленно рухнул на койку и, проигнорировав боль в ушибленном затылке, закрыл руками лицо, с трудом представляя себе, что ждет его дальше.

Покинуть келью Вивьен решил, только когда на Руан начали опускаться сизые сумерки. Открыв дверь и не заметив поблизости ни стражников, ни Лорана, ни де Борда, он осторожно вышел в коридор епископской резиденции и, стараясь двигаться как можно тише, начал пробираться к выходу из здания.

Ему удалось не привлечь к себе ничьего внимания и ускользнуть из отделения инквизиции незамеченным. Стражники у главного входа не стали его останавливать.

Весь сегодняшний день Вивьен не виделся с Ренаром, а значит, друг до сих пор пребывал в растерянности, гадая, что произошло. Нетрудно было представить, насколько его шокировало это *Sermo Generalis*. Каково ему было смотреть, как Рени, к которой он испытывал искреннюю симпатию, корчилась на костре от боли?..

Вивьен попытался отогнать мысли об этом, но не смог. Сейчас ему казалось слишком милосердным то, что Господь лишил его чувств и не заставил переживать этот ужас вместе с несчастной девушкой.

«Ничтожество, обманщик, предатель», – шептал Вивьену голос собственной совести, и он не мог ничего сделать, чтобы заглушить его. Ноги при этом продолжали вести его к лесной тропе, и сердце при мысли о предстоящем объяснении с Элизой, начинало колотиться втрое чаще. Вивьен знал, что обязан явиться к ней – этот визит он отчего-то считал настоящим судом и осознавал, что сегодня увидит Элизу в последний раз. После того, что было на площади, она, надо думать, проникнется к нему одним единственным чувством – отвращением. И больше

никогда не захочет его видеть. Сердце Вивьена болезненно сжималось от мысли об этом, и еще хуже ему становилось оттого, что схожее чувство он испытывал к себе сам.

И все же он должен был прийти к Элизе и поговорить с нею. Хотя бы для того, чтобы предупредить ее об опасности: де Борд мог прознать о том, что сжег не ту сестру, и снова начать охоту на ведьму, к которой ходят горожане за лекарствами. Элизе нужно было покинуть Руан – хотя бы на время, пока деятельный архиепископ Амбрена не уберется восвояси.

Слабый тревожный голосок, звучащий из самого сердца, упрямо умолял Вивьена не ходить к Элизе самостоятельно, а попросить об этом Ренара. Возможно – понимал он – это наглый и беспринципный голос надежды на то, что все еще можно исправить, что Элиза может рано или поздно выслушать его и даже понять. Однако Вивьен знал, что ни в коем случае не позволил бы себе послушаться этого голоса. Он должен был поговорить с Элизой сам. Должен был появиться перед ней и выслушать ее справедливый упрек, не рассчитывая ни на какую терпимость.

«А я ведь знал, что так будет», – сокрушенно подумал Вивьен. – «Знал, что настанет время, когда Элиза не в силах будет проявить понимание к тому, что я делаю. Но я понятия не имел, что это произойдет *так*».

Подходя к лесной тропе, Вивьен мысленно готовился к тому, что должен сказать. Он понимал, что Элиза слышала, как ее погибшую сестру назвали ее именем. Возможно, она поняла, какую опасность это сулит ей самой, поэтому долго уговаривать ее покинуть Руан не придется. Она обладала удивительной чертой: чувства не заглушали в ней голоса разума – в этом Вивьен убедился еще по ее рассказу о том, что произошло в Кантелё. Стоило лишь надеяться, что и в этот раз холодный разум не изменит ей.

Сегодня вечером лесная тропа казалась особенно холодной и недружественной. Вивьен ежился от каждого шороха листвы, словно чувствуя, что лес, который Элиза считала своим храмом, гонит из-под своих древесных сводов чужака, посмеявшегося осквернить его своим присутствием после смерти Рени.

Дом Элизы показался вдали, и Вивьен вдруг замер. Сердце застучало, как бешеное, норовя выскочить из груди: он увидел Элизу. Держа при себе дорожную суму, она заперла дом на тяжелый замок и убрала ключ в висящий на поясе мешочек. Двигалась она немного резче обычного – явно была напряжена и решительна.

Вивьен понял, что уже некоторое время не может сделать ни вдоха. Как, ради всего святого, он будет смотреть ей в глаза? Как вымолвит хоть слово?

«Она ведь и сама решила уйти. Я мог бы просто не мешать и...»

– Нет, – прошептал Вивьен вслух, пресекая трусливую мысль. Он сжал руки в кулаки и попытался сдвинуться с места, но после пары шагов ноги словно вросли в землю, кровь отлила от лица, изображение перед глазами чуть поплыло.

«Возьми себя в руки, чертов трус! Хотя бы здесь поведи себя достойно!» – приказал он себе и титаническим усилием воли сделал шаг в сторону Элизы.

Она заметила его и застыла.

Что было в ее взгляде? Недоумение? Горе? Ненависть? Гнев? Вивьен понятия не имел, что именно сейчас видит в Элизе. Она молчала, продолжая прожигать его взглядом насквозь. Вивьен снова замер, не решаясь приблизиться. Плечи его невольно опустились под грузом вины. Смотреть на Элизу было невыносимо, и он стыдливо уставился в землю.

– Знаю, меня ты сейчас хочешь видеть меньше всего, – осмелился заговорить он, и голос его звучал надтреснуто, как у старика. Элиза молчала, продолжая обжигать его глазами, – но я должен был прийти.

Она ничего не сказала. Так много раз Вивьен Колер сталкивался на допросах с людьми, не желавшими с ним говорить, но впервые от чьего-то молчания он почувствовал дрожь.

Воистину, справиться с мыслями было непросто, но он заставил себя держаться невозмутимо, насколько возможно.

– Вижу, ты уходишь...

Еще несколько тяжелых мгновений Элиза молчала. Вивьен чувствовал на себе ее взгляд и не знал, куда из-под него деться.

– Да, – холодно проговорила Элиза, – ухожу.

Снова повисло молчание, которое не решался нарушить ни один из них. При этом Элиза не гнала его прочь, не проявляла никаких чувств, и Вивьен совершенно не понимал, чего ждать.

– И далеко?

И снова – долгая, тягучая, болезненная пауза.

– Есть несколько мыслей по этому поводу. Но было бы недальновидно рассказывать об этом *инквизитору*, – отозвалась она, и в голосе ее зазвучала сталь.

– Вот как, – только и сумел произнести Вивьен.

Элиза еще несколько мгновений стояла молча, затем заговорила вновь – холодным шипящим голосом:

– Мы оба знаем, что я должна покинуть город, – сказала она. – Если только ты не пришел для того, чтобы арестовать меня. В этом случае у меня, конечно, ничего не выйдет.

Вивьен ощутил, как что-то больно кольнуло его в грудь.

«Арестовать? Боже...»

– Нет, – едва слышно отозвался он, покачав головой. – Нет, я не для этого пришел. Я лишь хотел убедиться, что ты... что ты поступишь разумно. Тебе действительно нужно покинуть город. Здесь небезопасно, пока в нашем отделении находится архиепископ де Борд. Это он... арестовал Рени.

Вивьен надеялся, что она – с присущим ей любопытством – отметит незнакомое имя, пусть даже холодно, но поинтересуется этим человеком, и тогда появится возможность объяснить ей всю ситуацию и добиться понимания. Но Элиза этого не сделала. Она понятия не имела, кто такой де Борд, но она хорошо знала, кто стал палачом для ее сестры.

– А ты ее казнил, – произнесла Элиза.

Эти слова прозвучали, словно из могилы – от них веяло смертельным холодом, а где-то на заднем плане слышался неоспоримый приговор: *виновен*.

– Зачем? – спросила она, и сквозь мороз ее тона проклюнулись нотки ее истинных чувств: непонимания, горя, боли, бессилия.

Вивьен сглотнул тяжелый подступивший к горлу ком.

– У меня не было выбора, – надтреснуто произнес он. Элиза округлила глаза от возмущения, готовясь возразить, но он продолжил: – Таков был приказ епископа. *Прямой* приказ. Я не имел права ослушаться.

– Не имел права ослушаться? – переспросила она, недоверчиво приподняв брови. – Столько раз тебе было плевать на приказы, а тут вдруг – «не имел права ослушаться»?

– Боже... – выдохнул Вивьен, осознав, каким своевольным видела его Элиза все эти годы и какой обманчивый собственный образ он взрастил в ее разуме. Он покачал головой. – Нет, Элиза, не на приказы. Лишь на некоторые правила. – Он чуть подался вперед и заговорил с большим жаром, надеясь донести до нее свою мысль: – Послушай, каким бы своевольным я тебе ни казался, ты должна понять, что я все еще скован рамками инквизиции. Ради всего святого, как ты можешь считать, что я был в силах ослушаться, если я даже уничтожение книг не мог остановить – что говорить о человеке!

– Ты сравниваешь мою сестру с книгами? – прошипела она.

Он поджал губы и покачал головой.

– Нет. Нет, я лишь пытаюсь дать тебе понять, что я не всемогущ. Я самонадеян, да, но всемогущность... мне этого не дано. Есть слишком много вещей, на которые я не могу повлиять. И когда человеку выносят приговор, мое слово ничего не стоит. Тогда я вынужден подчиняться приказам, какими бы они ни были.

Она упрямо покачала головой.

– Как же ты тогда мог обещать мне, что вернешь ее домой? Ты ведь дал мне слово, Вивьен, ты сказал, что сделаешь это, чего бы тебе это ни стоило! Ты говорил, что стража не станет останавливать тебя, напомнил, что ты инквизитор, что тебе ничего не сделают, что ваш, – она припомнила имя, – Лоран даже не заметит пропажи узницы. Как ты мог говорить все это, если в итоге...

Он перебил ее, с жаром воскликнув:

– Элиза, я *сделал* все, что мог! Поверь мне, прошу тебя!

– Как? – Голос ее постепенно повышался. Казалось, она теряла самообладание. – Как я могу тебе поверить? Я ведь лично видела, как ты выводишь людей из тюрьмы! Ты ведь вывел из нее *меня*! И тебе за это ничего не сделали!

– Ситуация была иной...

– Ну, разумеется.

В голосе ее зазвучала желчь. Вивьен вздохнул. Ему с трудом удавалось не реагировать остро на ее обличительные выкрики, он сохранял терпеливость и призывал себя сносить любые упреки, лишь бы появился шанс донести до нее свою позицию.

– Послушай, сейчас все действительно обстоит иначе. Наше отделение подверглось суровой проверке, и демонстрировать любую вольность стало слишком опасно, она пресекается на корню.

– То есть, ты просто решил не рисковать и проявил покорность? – страдальчески усмехнулась Элиза, не дав ему договорить.

– Нет! Я делал все, что было в моих силах. Но я не знал, что сейчас дела обстоят так скверно, – покачал головой Вивьен. – Я нашел Рени в камере и попытался ее оттуда вывести, но меня обнаружил Лоран и не позволил этого сделать. Будь ситуация другой, он бы действительно не обратил на пропажу Рени такого пристального внимания, но сейчас время напряженное, и Лоран следит за всеми, как коршун, лишь бы мы не натворили бед. Поняв, что я собираюсь сделать, он пришел в бешенство. Назначил меня палачом и запер в келье, откуда я никак не мог связаться с тобой или что-либо изменить.

Элиза жалобно всхлипнула. История Вивьена казалась ей правдивой, однако одна деталь продолжала мучить ее: никогда прежде на казнях она не видела, чтобы приговоренного сжигал инквизитор – это всегда были палачи.

– Но почему... – она перевела дух, стараясь подавить слезы, – почему они заставили *тебя*?

Вивьен стыдливо опустил глаза, понимая, как прозвучат его слова. Он и рад был бы придумать какую угодно ложь, но ему не приходило на ум ни одного варианта. К тому же он откуда-то знал, что ложь Элиза почует.

– Епископ счел это единственным возможным способом для меня, – он виновато пожевал губу, – доказать свою верность делу инквизиции.

Глаза Элизы округлились от возмущения и ужаса. Вивьен поморщился: вслух эти слова звучали еще хуже, чем у него в голове. Он мог лишь представить, каким ударом они стали для Элизы.

– Что?! *Доказать верность делу*? И ты согласился на это?! – воскликнула она.

– Элиза, говорю же, у меня не было выбора! – Он подался вперед, на этот раз не остановившись, когда она отшатнулась. Теперь их разделяла всего пара шагов. – Против Рени были

слишком серьезные обвинения в колдовстве: двое палачей из допросной комнаты слегли с какой-то хворью, и де Борд обвинил в этом Рени!

Теперь Элиза не выдержала и задохнулась собственным рыданием. Только тогда Вивьен осознал, что сказал – он говорил о допросе, как о чем-то обыденном, совершенно не подумав о том, как для Элизы будут звучать слова о палачах, пытавших ее сестру.

– Элиза, я... – Он поджал губы, понимая, какую ошибку совершил. – Элиза, мне так жаль...

Он снова сделал к ней шаг, но она решительно шагнула прочь.

– Не приближайся! – воскликнула она. Слезы ручьем заструились по ее щекам. – От тебя же до сих пор пахнет ее костром! Ты так спокойно рассказываешь мне о том, что два живодера, пытавших мою сестру, слегли, и это должно оправдать в моих глазах тот страшный приговор, который вы ей вынесли?! Рени была невиннее любого другого человека в этом мире! Что за людьми нужно быть, чтобы поступить так – с ней?

Вивьен заставил себя совладать с чувством вины, которое затопило его душу.

– Я знаю, – хрипло отозвался он. – И я знаю, что это бесчеловечно, но... прошу, Элиза, пойми, стечение обстоятельств выставило Рени в таком свете, что я никак не мог защитить ее от приговора старшего инквизитора и если бы я...

– Замолчи, Вивьен! – воскликнула Элиза. – Мне тошно все это слушать! Тошно слышать то, с каким преклонением ты говоришь об инквизиции! О том, как ты доказывал ей верность, о том, каким способом ты согласился это сделать! А ведь я верила тебе когда-то, верила, что хотя бы некоторые инквизиторы могут желать мира и нести его!

Вивьен вновь ощутил болезненный укол в грудь.

– Элиза, – тихо заговорил он, – когда меня застали за попыткой освободить Рени, она сама попросила меня исполнить приказ. Она не хотела, чтобы ты... – он поджал губы, – она сказала, что не хочет, чтобы нас казнили обоих.

Элиза обожгла его раскрасневшимися от слез глазами.

– О, тебе было очень удобно пойти у нее на поводу, разве нет? – прорычала она.

Вивьен прерывисто вздохнул, чувствуя, что и сам начинает вскипать от гнева. Почему она так рассуждает? Да, его роль на *Sermo Generalis* была чудовищна, но он ведь не выбирал этого! И неужели эта роль сумела затмить собой все хорошее, что он делал прежде?

– Не говори так, – попросил он. В его голосе странным образом сочеталось предупреждение, мольба и возмущение.

– Отчего же нет? – ядовито и обличительно воскликнула Элиза, смаргивая слезы. – Я видела, как легко ты обходил любые правила, тебя не пугало, что после придется держать ответ перед этим вашим Лораном. Но когда ты сталкиваешься с делом, чуть серьезнее, чем украсть у него сутану, чтобы привести меня на свой постоянный двор, ты, видимо, резко перестаешь быть таким смелым.

Вивьен округлил глаза, не поверив собственным ушам. Неужели все, что он говорил до этого, просто прошло мимо?

– Черт побери, Элиза, как ты можешь так рассуждать?! Я ведь убил в допросной комнате того, кто оклеветал тебя!

– Да, – цинично хмыкнула она. – Убил. Ты инквизитор, для тебя убить, видимо, гораздо проще, чем спасти.

Эти слова прозвучали колко и болезненно. Вивьен горько улыбнулся. Тонкая струна, на которой держалось его терпение, лопнула после этого обвинения. Его слова теперь звучали так же едко, как слова Элизы:

– Ну прости, что я – не графский отпрыск, который может безнаказанно творить все, что ему заблагорассудится. Ты же только такое сумасбродство можешь оценить по достоинству.

В глазах Элизы взметнулась резкая и возмущенная обида. Забыв обо всем, она подалась вперед и нанесла Вивьену хлесткий удар по щеке, заставивший его резко повернуть голову набок.

– Не смей! – воскликнула она и оборвалась на полуслове, ошеломленно уставившись на него.

Казалось, лишь теперь она поняла, что сделала.

Тем временем что-то темное, что всегда замолкало, оказываясь рядом с Элизой, вдруг взметнулось в душе Вивьена ураганным ветром, и он так явно почувствовал, каково отождествлять себя со словом «solége». Придержав горящую щеку, он лишь взглянул на Элизу, и на этот раз она шагнула назад от испуга. Никогда – никогда прежде! – он не смотрел на нее так.

Элиза мгновенно пожалела о том, что сказала, но уже не могла забрать свои слова назад: под взглядом Вивьена Колера – таким чужеродно злым и испепеляющим – она буквально потеряла дар речи.

– Ты *знала*, кто я с самого начала, – произнес он, и тихая угроза в его голосе пугала еще больше.

Элиза молчала. Она не знала, что может сказать, ведь он был прав в этом. В ней все еще горела обида на его слова о Гийоме де’Кантелё, она ведь никогда не думала сравнивать их между собой. Втайне она искренне боялась, что, услышав эту историю, Вивьен приревнует и когда-нибудь припомнит ей эту трагедию – когда она меньше всего будет этого ожидать. Видимо, опасения эти мучили Элизу не зря.

– Уходи, – тихо произнес Вивьен, обжегши ее холодом и не дав ей опомниться. Элиза ахнула. Это слово прозвучало как приказ, и какой-то противоречивый дух – должно быть, вскормленный в ней с самого детства – капризно посоветовал ей воспротивиться. Она уже набрала воздуха в грудь, чтобы что-то сказать, однако следующие слова Вивьена заставили ее опасно замолчать: – Уходи, пока я не арестовал тебя и не вернул туда, где тебя нашел.

Элиза почувствовала, что бледнеет от этих слов, но не позволила себе потерять лицо. Скрывая свое опасение, она впиалась руками в лямку дорожной сумы и, держась на небольшом расстоянии от Вивьена, заспешила прочь.

Он не оборачивался ей вслед. Вытянувшись по росту и почти не дыша, он стоял, глядя в чащу леса, в противоположную сторону от той, куда двигалась Элиза. В теле его был напряжен каждый мускул.

Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем ему удалось выйти из этого оцепенения. Отдаляющиеся шаги Элизы по лесной тропе давно смолкли, а на поляну опустилась чернильная темнота.

И вдруг со стороны тропы, ведущей к городу, вновь послышались чьи-то шаги.

Элиза?

Вивьен резко обернулся, не представляя, как станет реагировать, если Элиза появится перед ним снова, однако сердце его резко забилося чаще.

Через мгновение на поляне показалась фигура в подпоясанной черным кожаным ремнем монашеской сутане с мечом наперевес.

– Ренар... – тихо произнес Вивьен.

Казалось, друг только теперь сумел обнаружить его в темноте. Он стоял, держась за ветку близстоящего дерева, и оглядывал поляну, словно в растерянности.

– Вив? Ты здесь? – Он пошел на звук голоса друга и покачал головой. – Так и думал, что найду тебя тут. Что, черт возьми, случилось утром? Я думал, что... – Ренар осекся на полуслове, сумев разглядеть будто бы вмиг постаревшее лицо Вивьена. Он оглядел поляну вновь, и взгляд его замер на домике лесной травницы: теперь на двери висел большой замок, которого Ренар прежде никогда не видел. Он сразу же понял, что тут произошло. – Она ушла?

Вивьен сумел лишь кивнуть.

Ренар недовольно цокнул языком.

– Что ж, это, – он чуть помедлил, – правильно с ее стороны. Этот Гийом де Борд говорил с тобой? Жуткий тип! У меня от него мороз по коже. С него бы сталось отыскать Элизу – я так понял, *ее* он сначала и искал. – Он вновь прервался, понимая, что Вивьену нелегко говорить об этом.

Ренар тяжело вздохнул.

– Ладно. Послушай, нам лучше и самим уйти отсюда. Поговорим у меня дома, хорошо? Хочешь или нет, тебе придется обстоятельно рассказать мне, что произошло. Ведь еще вчера, когда мы попрощались, ничто не предвещало такого исхода.

Вивьен горько поморщился, но ничего не сказал, однако понимал, что скоро ему придется заговорить. Ренар заслуживает знать правду. И он – единственный, кто сможет понять и принять ее.

– Переночуешь тоже у меня, – явно не предполагая никаких возражений, сказал Ренар. – Могу поспать на полу, а тебе уступить свою койку, если хочешь.

Вивьен покачал головой. Что-то внутри него усмехнулось в ответ на жертвенность, с которой Ренар вынес свое предложение, но на лице эта усмешка никак не отразилась.

– Сомневаюсь, что смогу уснуть этой ночью, мой друг, так что не стану лишать тебя возможности поспать в более комфортных условиях. Мне не впервой спать на полу.

Ренар пожал плечами. Предлагать дважды он не стал.

– Как скажешь.

Впрочем, он и сам не рассчитывал сегодня на спокойный сон – догадывался, что это будет ночь долгого и тяжелого разговора. Но он знал, что его нужно было провести.

«Кто бы мог подумать вчера, что все обернется так печально? Возможно, нам стоило задержаться в чертовом Лонгвилле? Хотя бы на день», – думал Ренар, и мысль эта отчего-то вызывала в нем непривычную щемящую тоску. – «Хотя бы на день...»

‡ 17 ‡

Дарнеталь, Франция

Год 1361 от Рождества Христова

Небольшой городок Дарнеталь располагался близ Руана с восточной стороны.

Около тринадцати лет назад, когда в окрестности пришла чума, она существенно проредила население города: многие люди погибли, часть предпочла спастись от болезни бегством, и Дарнеталь почти опустел. Однако прошло время, и он, как и большинство французских территорий, показал свою удивительную живучесть, пламенную волю к возрождению и неиссякаемую энергию. Население понемногу восстанавливалось: рождались дети, приходили жители из других городов, возвращались из былых отлучек беглецы, оставались после долгих странствий путники. Городок понемногу начинал дышать новой жизнью и дружелюбно открывал свои двери странникам из разных земель.

Кроме простых деревянных домов, пары постоянных дворов и заложенного фундамента церкви, посмотреть пришлому путнику здесь было толком не на что, однако тут можно было найти спокойствие и уют, коего не доставало порой другим уголкам страны.

Именно сюда долгие странствия привели неприметного путешественника в грубой темно-коричневой рубаше и изношенных матерчатых штанах. В его дорожной суме – в самом низу, под скромными пожитками, – лежала накидка, которую обыкновенно носили прокаженные. Если бы кто-то увидел ее, у него наверняка возникло бы множество тревожных вопросов. Однако путешественник всем своим видом вызывал доверие, так что у людей не возникало намерения лезть в его дела. Он представился Даниэлем из Ключни и заплатил за комнату на постоялом дворе, намереваясь пробыть здесь всего несколько дней.

Он обладал удивительно развитой интуицией: всегда знал, сколько времени провести на людях, чтобы не привлечь лишнего внимания. Всегда знал, как и с кем разговаривать, сколько нужно рассказать, чтобы не оставить вопросов. Всегда знал, как выглядеть, чтобы вызванный интерес не превышал допустимую грань. Даже будучи чужаком – а значит, предметом повышенного интереса, – он умудрялся оставаться почти невидимым для любопытных глаз. Люди общались с ним, но уже к исходу дня забывали об этом. А если и помнили, то не могли передать ни одну существенную подробность его жизни, хотя каждый был уверен, что Даниэль из Ключни что-то рассказывал.

Сам того не зная, он тренировал навык скрываться на самом виду всю жизнь и к этому моменту достиг совершенства в своем искусстве. Он даже мог бы похвастать этим, если бы имел такую привычку.

Даниэль из Ключни... Клод из Каркассона... Дидьен-Плотник... Жан-Пьер из Руана... Фредерик из Кана... сколько имен он уже называл людям в местах своих остановок? Сколько раз лгал насчет себя? Когда в последний раз он слышал даже из собственных уст свое настоящее имя?

Ансель Асье.

Иногда он повторял его про себя, лежа в темноте под звездами, на жесткой кушетке на постоялом дворе или в давшем ему приют монастыре. Мысленно произнося собственное имя, Ансель невольно морщился, словно само сочетание звуков причиняло ему боль. На этом имени было слишком много дурных отпечатков. Человеческая кровь... предательство веры... нарушение поста... угрозы, ложь и неподдельная, истинная вина. Если бы Ансель только мог, он был бы рад потерять память, но прошлое при каждом удобном случае напоминало ему о себе, и иногда эти удары были особенно болезненны для него.

Чаще всего самые неприятные воспоминания просыпались в нем, когда он приближался к Руану и останавливался в его окрестностях. Он знал, что ему опасно находиться вблизи этого города слишком долго, и все же не мог отказать себе в том, чтобы с завидной периодичностью возвращаться и проверять, как идут дела. Он не до конца понимал, что именно проверяет, хотя сомнений в том, *к кому* он пытается оказаться ближе, у него не было. Среди всех ныне живущих людей лишь один все еще давал ему надежду. Ансель понял это в передвижном лагере под Каном, в аббатстве Святого Стефана. Там, прячась под капюшоном накидки прокаженного, Ансель с замиранием сердца наблюдал, как Вивьен Колер поднимает с земли черную книгу в кожаном переплете и уносит ее с собой.

Эта книга была сокровищем. Последней нитью, связывающей Ансея с его верой с момента трагедии в Нижнем Городе Каркассона. Эта книга помогла многим людям по Франции понять, какое истинное учение проповедовал Иисус. Со дня своего побега Ансель Асье не забывал о долге перед погибшими единоверцами и нес свет веры людям. Он был осторожен: в основном его деятельность разворачивалась вдали от отделений инквизиции, и его ученики могли исповедовать истинное учение Христа в относительной безопасности. Единственная страшная трагедия постигла его в Кантелё.

«Гийом», – часто с тоской взывал Ансель, закрывая глаза в ночи.

Не было ни дня, когда бы он не вспоминал последний взгляд своего убитого ученика. Просыпаясь от мучительных кошмаров, Ансель до сих пор ощущал кровь на своих руках. Казалось, это проклятье невозможно смыть...

Ансель знал, что выбрал лучший исход. Только так можно было навсегда спасти ученика от брэнности мира и от коварных лап инквизиции. Но тогда, в день своей смерти, Гийом не выглядел *спасенным*. Он выглядел удивленным, преданным, беззащитным, а во взгляде его стояли боль и недоумение, навсегда отпечатавшиеся в памяти Ансея. Ночами он молился за Гийома де Кантелё и просил ангела его души не оставлять своего павшего учителя в трудный час и помогать находить свет по жизни. Он молился душе Гийома и в тот день, когда решился расстаться со своей священной реликвией...

Книга была для него по ценности равна Святому Граалю, она помогала ему соблюдать праведный путь и надеяться на милость Господню. Но с каждым днем Ансель все отчетливее понимал, что недостойн даже держать ее в руках после всего, что натворил. Поэтому он перестал открывать ее, храня молитвы *добрых христиан* в своей памяти. Оставаясь наедине с собой, он продолжал повторять обеты, которые давал в день становления «старшим сыном», однако вскоре ему начало казаться, что слова эти обжигают ему уста, и, дабы более не оскорблять Бога, Ансель Асье замолчал.

Странствия отнимали у него много сил. После побега из Кантелё он старался не задерживаться надолго ни на одном месте и, казалось, исходил пешком всю Францию, не осмеливаясь покинуть ее и удалиться в другие земли. Руан каким-то образом сумел привязать его к себе. Этот город не позволил бы ему уйти безвозвратно. Поначалу это тяготило Ансея, но в какой-то момент он смирился и со своим руанским поводом, и с тем, что ему предстоит странствовать по стране всю оставшуюся жизнь.

Много раз в трапезных залах, где он оказывался, не находилось еды, соответствовавшей его строгому посту. В первые годы своих странствий Ансель смиренно принимал выпавшие на его долю испытания и отказывался принимать пищу, неположенную *доброму христианину*. Но однажды поздней осенью, вымокнув под проливным дождем и с трудом добравшись до постоялого двора, он понял, что попросту погибнет, если не поест. В тот день впервые его греховное брэнное тело взяло верх над волей духа, и он позволил себе мясо. Ансель полагал, что один его вид на тарелке вызовет отвращение, однако – утомленный несколькими днями голода – он жадно налетел на принесенную порцию и съел все без остатка. В тот вечер Ансель удивленно смотрел на пустую посуду и понимал, что никогда прежде не пробовал ничего вкуснее. Хотя

сам вкус мяса и показался ему непривычным, это греховное блюдо сумело быстро утолить голод и придать сил. Ансель мгновенно почувствовал себя лучше и понял, что способен на дальнейшие странствия. В тот день он впервые нарушил свой строгий пост и был шокирован тем, с какой легкостью это сделал. Тот вечер переломил еще один столп его веры. Священная книга, по которой он раньше позволял себе учить *добрых христиан*, теперь стала отягощать его дорожную суму. Он знал, что более не имеет никакого права называться совершенным и уже никогда не сможет получить истинного утешения.

Черная одежда, которая прежде являлась его отличительной чертой, теперь стала для него новым поводом чувствовать свою греховность, и вскоре, скопив небольшое количество денег скромными случайными заработками, он сменил ее на более простую и неприметную.

Теперь он позволял себе лгать, чтобы быть незаметным. Запутывал следы. Пропадал из-под самого носа агентов инквизиции, рассказывая разные истории о городах, в которых не рождался, и о людях, которых не встречал. Ложь удивительно легко вплелась в его повседневную жизнь, опустив его в собственных глазах до уровня неисправимого грешника.

«Кто бы мог подумать, что я так изменюсь», – с горечью вздыхал он, но не переставал потворствовать этим изменениям ради того, чтобы выжить.

Он много раз спрашивал себя, зачем теперь живет, но не находил ответа. И вот однажды Господь снизошел до него и позволил ему обрести надежду на то, что частичка его веры попадет в руки достойного человека. Его последнего живого друга.

Теперь он знал, что именно желание справиться о делах Вивьена Колера неизменно влекло его в окрестности Руана. Это же желание привело Анселя сюда и теперь.

В Дарнетале, живя на постоялом дворе, Ансель каждый вечер перед заходом солнца спускался в таверну, где собиралась добрая половина населения городка. Он делал скромный заказ и тихо сидел, внимательно прислушиваясь к тому, о чем говорят люди вокруг, толком не зная, какие вести ожидал услышать. Возможно, он ждал некоего знака свыше? У него не было ответа на этот вопрос.

И вот пару дней тому назад в Дарнетале заговорили о крайне необычной казни на главной площади Руана. Заезжий торговец поведал, будто некий чужеземный высокопоставленный церковник зачитывал вместо представителей светской власти обвинительный приговор рыжей ведьме, а в исполнение этот приговор приводил молодой черноволосый инквизитор. Такое событие было из ряда вон выходящим, ведь обыкновенно приговор зачитывали представители светской власти, а в исполнение его неизменно приводил палач.

Ансель не осмелился сразу расспросить торговца, кого казнили в Руане и как держался при этом темноволосый инквизитор. В том, *кто именно* выступил в роли палача, Ансель не сомневался ни на минуту, и он представлял себе, каким тяжким испытанием это должно было стать для Вивьена с его-то желанием спасти жизни, а не отнимать их.

Всю ночь Ансель не мог сомкнуть глаз: разум снова и снова возвращался к Вивьену. Каково ему было приводить в исполнение казни? Без сомнения, тяжело. Но, вероятно, теперь он куда лучше понимал своего беглого учителя...

До самого рассвета Ансель тихо просил Господа дать Вивьену сил пережить это.

На следующий день он прошелся по городу, предлагая горожанам свою помощь по хозяйству в обмен на любое скромное вознаграждение, и до вечера заменял захворавшего помощника в гончарной лавке. Когда же начало смеркаться, заработав несколько монет, Ансель направился обратно, на постоялый двор, где надеялся подробнее расспросить торговца о той казни.

Однако торговец, как выяснилось, уехал поутру – у него не было цели останавливаться в Дарнетале надолго. Со скорбью Ансель понял, что упустил свой шанс разузнать больше. Что же делать? Ехать в Руан? Слишком опасно. Выходить на связь с Вивьеном было и того рискованнее для них обоих.

– Ты меня слышал? – вдруг спросил кто-то, и Ансель едва не вздрогнул от неожиданности. Пожалуй, впервые за время странствий он так глубоко погрузился в свои мысли, что даже не заметил, как к нему кто-то подошел. Более прочего его удивило, что обратилась к нему женщина. Посмотрев на нее, он на миг изумленно округлил глаза: ее платье отличалось от платьев простых селянок излишней откровенностью, а взгляд был начисто лишен робости. Она с интересом разглядывала Анселя, и в уголках ее пухлых губ играла легкая улыбка. Каштановые волосы, поблескивая в освещении трактира, казались чуть рыжеватыми, и Ансель невольно вернулся мыслями к той ведьме, которую пришлось сжигать Вивьену. При этом незнакомка напоминала ему кого-то еще... но он не мог понять, кого именно.

Тем временем женщина ухмыльнулась, поняв, что одним своим присутствием сумела смутить держащегося особняком посетителя. Ансель же отметил удивительно ухоженный внешний облик этой особы. Ему не раз доводилось встречать женщин, опустившихся до торговли своим телом, и часто их внешний вид буквально кричал о том, как страдает душа: они всегда казались грязными, изможденными, больными и уставшими, сколько бы ни пытались это скрыть. Незнакомка же лучилась жизненной силой, свежестью и естественной красотой, а на мысль о ее образе жизни наводила лишь откровенность ее платья.

– Месье не говорит по-французски? Ты, что, необразованный английский вояка? А зовешься, вроде, по-нашему.

Игриво поведя плечами, женщина оперлась на стол, за которым сидел Ансель, демонстрируя ему упругие груди в чрезмерно широком вырезе платья. Однако к ее удивлению, взгляд Анселя ни на мгновение не задержался на ее прелестях. Отвлечшись от своих мыслей, он посмотрел ей в глаза, вежливо кивнул и дружественно улыбнулся. Первоначальная неловкость исчезла, и теперь Ансель заговорил с почтением, к которому эта женщина вряд ли привыкла:

– Прошу меня простить, вы застigli меня врасплох своим вопросом. – Он покачал головой. – Я полагаю, до этого вы интересовались чем-то еще, но я не сумел расслышать. Соболаговолите повторить? – Он улыбнулся, и незнакомка ошеломленно округлила глаза. Ей прежде не доводилось слышать столь высокую речь здесь, в Дарнетале. Тем временем Ансель благодушно указал ей на место напротив себя. – Ох, и присядьте, прошу.

Женщина склонила голову, смерила его вдвойне заинтересованным взглядом и оценивающе кивнула. Анселю сделалось не по себе: она осматривала его, словно жеребца в конюшне перед долгой поездкой.

– Ну и удивил ты меня! – опустившись на скамью, протянула она. – Знаешь, уж сколько я бываю здесь, в Дарнетале, таких речей еще ни от кого не слышала. – Не дождавшись никаких комментариев, она улыбнулась и продолжила: – Я спросила, когда подошла: ты Даниэль из Ключи? Ты промолчал, только смотрел куда-то мимо меня, и тогда я спросила, слышал ли ты.

Ансель понимающе кивнул.

– Прошу простить, что был столь невнимателен, – искренне извинился он. – Отвечая на ваш вопрос: да, мое имя Даниэль из Ключи. И, нет, я не англичанин.

Женщина улыбнулась, вновь посмотрев на него оценивающе.

– Да и не похож ты на англичанина, – хмыкнула она. – Видала я англичан: ничего в них такого особенного. – Она с самодовольным видом махнула рукой, словно бы до этого Ансель с интересом расспрашивал ее об этих людях. – Да и частенько физиономии у них... – Она закатила глаза, а затем посмотрела на Анселя, заговорщицки прищурившись. – Но иногда выбирать не приходится. Правильно я говорю, Даниэль?

Ансель окончательно потерял нить ее мысли и нахмурился.

– Простите, я не уверен, что понял вас, – немного растерянно произнес он, чем заставил ее рассмеяться. Смех у нее оказался звонкий и приятный. Широкая улыбка обнажила красивые белые зубы.

– С ума сойти! – воскликнула она, вновь с интересом уставившись на него. – Откуда ты такой взялся? Говоришь, как знатный господин.

– Я... из Ключи, мадам, как вы можете судить по моему имени.

Женщина склонила голову.

– Мадам, – хмыкнула она, снисходительно вздохнув. – Меня так сроду никто не называл. Какая же я тебе мадам, дорогой Даниэль? Кто бы взял в жены такую, как я? Разве что ты имел в виду, что я – мадам-весь-Дарнеталь?

Ансель неуверенно поводит взглядом из стороны в сторону, толком не зная, что на это ответить. Женщина снова снисходительно вздохнула и покачала головой.

– Я тебя смутила, – скорее, утвердила, чем спросила она. – Правда, я не очень жалею об этом: ты очень мило смущаешься. И, похоже, ты действительно такой вежливый, как о тебе говорят.

Ансель передернул плечами.

– Говорят? – переспросил он, стараясь сменить тему и при этом не показать своего напряжения из-за ее последнего замечания. – Не думал, что кто-то здесь говорит обо мне. Я в Дарнетале всего несколько дней, и скоро собираюсь...

Женщина вновь махнула рукой.

– Это маленький городок, Даниэль, здесь обсуждают любую новость, в том числе и приезд путника – особенно если этот путник чем-то отличается от других. О тебе говорят, что ты очень вежлив. Этим ты меня и заинтересовал. Я услышала о твоих манерах и решила посмотреть, как ты будешь говорить с такой, как я.

Ансель поджал губы.

– Я... – начал он, но не нашелся, что ответить. Его собеседница вновь широко улыбнулась.

– Брось, дорогой, не подбирай слова. Тебе неловко, потому что ты понял, кто я, и ты не знаешь, как со мной говорить, чтобы соблюсти приличия. – Она усмехнулась и чуть наклонилась к нему через стол. – Не трудись. Это не нужно. Лучше давай я скажу тебе прямо, зачем к тебе подошла. – Она заглянула ему в глаза, и снова улыбнулась, уловив его растерянность. – Я несколько раз замечала тебя в городе за эти дни, и ты показался мне, – она помедлила, подбирая слово, – интересным. И привлекательным. А еще я видела, как ты предлагаешь помощь тем, кто в ней нуждается, ничего не прося взамен. У тебя при этом такой спокойный вид, и кажется, что ты не рисуешься. Ты просто... ну... – она повела плечами, – *такой*, понимаешь?

– Боюсь, что не совсем...

Она закатила глаза.

– Хороший ты, вот что! – вновь рассмеялась она. – И, повторюсь, интересный и привлекательный. Я говорила, что иногда не приходится выбирать, и, думаю, ты все-таки *понял*, что я имела в виду. Но иногда не значит никогда, верно?

Она внимательно посмотрела на него, и Ансель невольно чуть отклонился назад, словно пытался оказаться дальше от своей настойчивой собеседницы. Он надеялся, что не выдаст своего смущения, но предательский румянец залил щеки, вызвав у женщины улыбку одобрения. Не дождавшись никаких комментариев, она чуть развела руками.

– Так вот, сегодня я хочу *выбирать*, Даниэль.

Ансель почувствовал заливший щеки жар, и попытался сдержать желание мгновенно встать из-за стола и уйти как можно дальше отсюда. После того, как Вивьен рассказал ему, что случилось с Люси Байль, Ансель понял, что не хочет повторения этой истории.

– Если тебе нечем платить, об этом можешь не беспокоиться, – поспешила добавить женщина. – Я не собиралась брать с тебя денег. Мне хотелось бы, чтобы сегодня все было по-другому. Считай это моим женским капризом. – Она усмехнулась, сочтя свое замечание крайне остроумным.

Ансель чувствовал, что у него подрагивают руки. Он искренне надеялся, что ни одна женщина более не проявит к нему интереса, но его надежды не оправдались.

– Послушайте... – покачав головой, выдохнул он. – Я... я очень не хочу обидеть вас...

Она громко усмехнулась.

– Обидеть меня трудно, дорогой, а с твоими манерами надо еще постараться это сделать! – Ее взгляд вновь устремился прямо в его глаза. Ансель понимал, что предательский румянец никак не желает сходить с лица, он чувствовал, как пылают щеки. – Разве что, несмотря на свое прелестное смущение, ты скажешь, что я тебе совсем не нравлюсь.

В памяти Ансея разом пронеслись воспоминания о Люси Байль. Разумеется, он понимал, что эта незнакомецкая женщина не испытывает к нему ничего схожего по силе. Она просто не могла испытывать чего-то подобного! Ведь не могла?

Страх взметнулся в душе неумолимым пламенем. Воистину, он не помнил, чтобы хоть раз женщина смотрела на него так страстно и требовательно. Разве что Люси Байль.

«Прекрати!» – скомандовал себе Ансель, но не сумел повиноваться. Он мысленно обратился к Господу, умоляя помочь ему найти правильный путь и правильные слова, чтобы не обидеть эту женщину. Одновременно он старался подавить в себе греховное ощущение, родившееся в глубине тела в ответ на откровенное платье и пылкий взгляд незнакомки. В последний раз нечто подобное овладело им столь же явно, лишь когда Люси Байль поцеловала его, и он почувствовал, что хотел бы испытать это снова.

«Нет, нет, нет!» – взмолился он про себя. – «Я ведь уже нарушил почти все, во что верил! Господи, не оставляй меня! Не позволяй поддаваться греховным мыслям! Что останется от моей запятнанной души, если я проявлю слабость духа еще и в этом?»

Но одновременно в его голове звучал и другой голос:

А что останется от тебя, если ты причинишь боль своим отказом и этой женщине тоже? Сколько людей должно пострадать из-за тебя? Сколько души должно испытать муки?

Ансель почувствовал, что дрожит, а в его памяти тем временем пробуждались и иные голоса. Отчего-то ему казалось, что Гийом де Кантелё говорит с ним, повторяя слова Вивьена Колера, сказанные несколько лет назад:

Важно то, что Люси Байль просто не умела любить иначе. Когда ее надежды на ваше совместное будущее рухнули, она почувствовала себя отверженной и не могла справиться со своим горем.

Люси! Ансель совершенно запутался. Не зная, куда деться от разрывающих его чувств, он начал судорожно озираться по сторонам, будто искал спасения. Вся его уверенность, которую он сумел продемонстрировать незнакомке в начале разговора, сейчас исчезла, и Ансель ощутил еще больший страх и большую ответственность, чем в тот день, когда его сделали «старшим сыном».

– Ты от щедрости моего предложения язык проглотил? – поторопила незнакомка. В уголках ее губ все еще играла усмешка.

– Прошу вас... – выдавил Ансель, – я... мне... лестно ваше... предложение, но я...

Слова застревали в горле и не желали вырываться наружу, словно что-то сковывало и не пускало их.

Как заставить эту женщину уйти? Как не навредить ей при этом?

Таким же мучительным был для него выбор уйти из Кантелё или остаться – и в итоге все погибли. Таким же мучительным был выбор поцеловать Люси Байль снова или сделать все, чтобы избежать греха – и в итоге всех тоже постигла смерть. А ведь и тогда, и тогда он старался поступить правильно! Каждый раз, когда он делал выбор, который бы одобрила его вера, гибли люди. Неужели и здесь...

Но разве может что-то и на этот раз привести к таким жутким последствиям?

«А если может? Я ведь и тогда думал, что это невозможно. Боже, дай мне знак! Что делать? Прошу тебя, умоляю!»

– Люси, ты опять за свое? – вдруг прозвучал рядом голос местной подавальщицы. – Оставь человека в покое, распутная девка, раз он даже без платы не хочет тебя лапать!

Дородная женщина явно с трудом сдержалась, чтобы не плюнуть собеседнице Анселя в лицо.

– Нечего уши греть на чужих разговорах, Мари! – огрызнулась та в ответ, хотя подавальщица уже ушла к другому столу.

Ансель ошеломленно смотрел на сидящую напротив него женщину, понимая, что только что получил желанный знак Господа, но не знал, как его истолковать. Тем временем Люси...

«... Боже, а ведь именно так она ее назвала!..»

Тем временем Люси повернулась к нему.

– Послушай, я была неправа, – криво усмехнулась она. – Ты *можешь* меня обидеть. Тем, что молчишь. – Она нахмурилась, и Ансель вновь ощутил во всем теле дрожь.

«Нет, нет, нет!»

Нет? Тогда ты снова причинишь боль...

«Я должен поступить правильно!»

И все жестоко заплатят за твой выбор. Снова.

«Нет, нет, нет! Пожалуйста, я не могу!»

Ее тоже зовут Люси. И она из всех возможных мужчин – посмотрела на тебя. Будто само прошлое дает тебе шанс что-то исправить.

«Она – не Люси Байль».

Но она – ЛЮСИ. И она жаждет быть с тобой. Это знак свыше.

«Господь оставил меня. Он не дал бы мне знака».

Как ты можешь это знать? Как после всего, что с тобой произошло, ты хоть что-то можешь знать наверняка?

«Я... не знаю...»

Тогда действуй, как чувствуешь! Она желает тебя. Да, смелее, произнеси это, признай это! Ты же и сам...

«Нет!»

Да!

«Я... я не хочу... это последний из заветов, который я еще не нарушил».

А еще ты больше не хочешь, чтобы кто-то платил за твои грехи. Твоя душа навеки проклята. Что тебе терять?

«Что... что мне терять? А ей?»

И ей тоже. Взгляни на нее! Вы – две заблудшие души, которые могут позаботиться лишь о том, чтобы не причинять друг другу боль здесь, в аду. Ты больше не совершенный. Ты недостойн называться даже верующим. Ты окропил свой жизненный путь кровью своих близких, Ансель Асье. Хватит притворяться, что еще пытаешься соблюдать праведный путь.

«Хватит...»

– Я... я живу на этом постоялом дворе, – округлив глаза, произнес Ансель.

– А я уж думала, ты совсем онемел, – усмехнулась Люси, склонив голову и изучающе посмотрев на него. – Значит ли это, что я тоже тебе нравлюсь, и ты хочешь хорошо провести время вместе этой ночью?

Ансель судорожно сглотнул, понимая, что еще не поздно сделать выбор, который его разум считал правильным.

Разум, но не тело, Ансель, – науськивал его кто-то невидимый. – Разве ты не чувствуешь, что твое тело не согласно с голосом разума? Разве не ощущаешь этого напряжения? Сейчас

– оно кажется тебе греховным? Признайся же, наконец, что нет! Хотя бы самому себе – признайся.

– Только не замолкай снова, дорогой Даниэль, – усмехнулась Люси, – иначе я действительно очень сильно обижусь. – Она словно почувствовала, что только это может подтолкнуть его к более поспешному ответу, и оказалась права.

– Не надо, я... я... да, – ответил он, тут же ощутив, как жар румянца заливает все его лицо. Он опустил голову и отвел в сторону взгляд, не зная, куда себя деть от смущения, стыда и страха. Сердце бешено колотилось у него в груди. А ведь даже при нахлынувших на него чувствах напряженное желание не покинуло его.

Не успел он толком осознать, что сказал и что почувствовал, как приятная теплая ладонь Люси легла поверх его сжатой в кулак руки. Он невольно поднял на нее взгляд, вздрогнув от ее прикосновения. Она снисходительно улыбнулась: похоже, его смущение по-настоящему забавляло ее.

– Тогда не будем терять времени? – предложила она и поднялась из-за стола. – Покажешь, где твоя комната?

Ансель миновал весь путь до своей комнаты, словно в тумане. Люси все это время держала его за руку, словно опасалась, что он мог передумать и сбежать от нее.

«А может ли она действительно быть *той* Люси?» – вдруг мелькнула мысль у Анселя в голове. – «Сколько лет прошло с ее смерти? Чуть больше тридцати? А сколько лет этой женщине? Около двадцати пяти, надо думать. Это ведь может оказаться ее переродившаяся душа, которая нашла меня?»

С этой мыслью он открыл дверь в свою комнату и молча пригласил спутницу внутрь. Похоже, она уже не раз бывала здесь – или в аналогичных комнатах этого постоянного двора, а просьба показать ей дорогу была простой условностью. Осматриваться Люси не стала: как только Ансель запер за ними дверь, она повернулась и одарила его улыбкой, от которой по его телу пробежала волна жара. Напряженное желание, которое он столько лет считал греховным и от которого пытался отвлечься, теперь вспыхнуло только сильнее.

«Желание и стыд. Всегда ли они идут рука об руку?» – подумал Ансель, не зная, куда деть взгляд от неловкости.

Люси хмыкнула и сделала к нему шаг. Улыбка не сходила с ее лица.

– Ну, ты, что же, и здесь будешь так скромничать? – спросила она. Теперь она стояла к нему совсем близко. Ее дыхание почти обжигало, притом, что о своем собственном дыхании Ансель, казалось, забыл, замерев, словно каменное изваяние, и не смея пошевелиться.

Люси заговорщицки улыбнулась и коснулась рукой завязки на вороте его матерчатой рубахи.

– Смелее, – бархатным полупшепотом произнесла она, – здесь нас никто не видит, здесь стесняться не нужно.

Прикосновения стали более настойчивыми. Она коснулась его груди и начала вести рукой вниз, к животу.

Инстинктивным движением Ансель перехватил ее за руку, резко втянув воздух от горячей волны, пробежавшей по его телу. Даже через одежду касание ее руки, казалось, начисто лишило его разума.

Люси нахмурилась.

– В чем дело? – спросила она.

– Я должен сказать...

Люси снисходительно усмехнулась.

– Сейчас не самое лучшее время для разговоров, дорогой.

– Постойте, нет. Я *должен*... – Он поджал губы, чуть отпрянув от нее.

– Ладно, – вздохнула она. – Только давай ты больше не будешь звать меня на «вы»? Или тебе просто больше нравится, когда...

– Я никогда прежде этого не делал! – скороговоркой выпалил он.

На комнату снова опустилась тишина, и на этот раз несколько мгновений, которые она охватила, казались пугающей звенящей вечностью.

– Никогда? – удивленно переспросила Люси, окинув его оценивающим взглядом.

Ансель опустил глаза. Отчего-то теперь страх, который он до этого испытывал, исчез, не оставив за собой ничего, кроме зияющей пустоты, когда Люси отступила от него на пару шагов.

– Никогда, – повторил он более уверенно.

– Ты, что, монах? – недоверчиво спросила Люси.

Он посмотрел на нее.

– Уже нет.

Люси понимающе улыбнулась.

– Так вот оно, что! Твои добрые поступки становятся мне понятнее. А Даниэль – это хоть твое настоящее имя?

– Нет, – отчего-то решил ответить он. Люси заинтересованно прищурилась.

– А скажешь настоящее?

Скажи ей. Она должна знать. Если хочешь, чтобы все было правильно, скажи ей.

Он не стал спорить с внутренним советчиком.

– Ансель.

– Ансель, – повторила она, словно пробуя это имя на вкус. Уголки ее губ вновь приподнялись в улыбке – удивительно теплой, без прежней оценивающей игривости. – Красивое имя. – И уже через мгновение прежняя игривость вернулась к ней. Она не спешила вновь сокращать расстояние между ними и прикоснуться к нему. Вместо того она ловко начала справляться с завязками на собственном платье.

Ансель заставил себя отвести взгляд, хотя и понимал, что это глупо.

Ткань с тихим шелестом скользнула на пол, и Люси шагнула вперед.

– Посмотри на меня, – бархатным голосом сказала она.

Ансель повиновался и тут же резко выдохнул, чувствуя, как тело среагировало на беспощадную привлекательность этой молодой женщины. Она не испытывала никакой скованности, стоя перед ним совершенно нагой, тогда как Ансель не мог и пошевелиться.

– Не волнуйся, – заговорщицки прошептала она, взяв его за руку, сжатую в кулак и опущенную по шву. – В отличие от тебя я делала это уже много раз.

Она повлекла его за собой к кровати, и он покорно последовал за ней, полагая, что стук его сердца разносится сейчас на весь постоялый двор. Несколько мгновений потонули в вечности, и Ансель толком не понял, когда она успела снять с него одежду. Теперь Люси с нескрываемым любопытством смотрела на его нагое тело, отступив от него на пару шагов.

– Монах, говоришь? – хмыкнула она. – А мог ведь кого-то осчастливить.

Ансель почувствовал, что заливается краской с головы до пят.

«Боже...» – произнес он про себя, как произносил в моменты всякого сомнения. Но сегодня внутренний голос лишь насмеялся над ним:

Бога здесь нет, Ансель Асье.

Это жестокое, греховное, совершенно жуткое изречение, прозвучавшее в голове голосом, чем-то похожим на голос Гийома де Кантелё, повергло его в такое отчаяние, что он сумел

забыть обо всем – и о своем намерении, и о женщине, что находилась с ним в этой комнате. То неумемное желание, что буквально терзало его тело миг назад, вдруг начало отступать.

Люси непонятливо приподняла бровь.

– Ну уж нет, дорогой Ансель, так не пойдет, – усмехнулась она, шагнув к нему и посмотрев на него. Голос ее зазвучал нежно и ласково. Кончики пальцев пробежались по голой груди Анселя. – Ты, что, переволновался? – Не дождавшись ни намека на ответ, она понимающе улыбнулась, рука ее скользнула ниже. – Ну, ничего. Сейчас мы это поправим.

Прежде он никогда не думал, что его тело столь чувствительно к женскому прикосновению. Люси продолжала улыбаться, не переставая касаться его, словно хотела заставить его сойти с ума от страсти. Чуть приподнявшись на цыпочки – даже при своем высоком росте она доставала ему лишь до подбородка – она коснулась губами его губ. Сначала легко, но, не дождавшись ответа, стала более настойчивой, и, наконец, его губы разомкнулись в ответ. Словно тело само знало, что нужно делать. Поцелуй был сладостным и горячим. Он лишь сильнее разжег терзавшее Анселя желание, хотя, казалось, стать сильнее оно уже просто не могло. Его руки сами потянулись к Люси и – сначала осторожно, а затем более смело, почти требовательно – начали прикасаться к ее плечам, спине, опустились к бедрам...

Люси отстранилась, и открыла глаза, которые до этого прикрывала, словно от наслаждения. От понимания, что поцелуй принес ей удовольствие, Ансель вдруг почувствовал себя окрыленным и счастливым – впервые за много лет. А ведь ему казалось, что он уже забыл, каково это – ощущать счастье.

Это приносит радость. Я же говорил тебе, – вновь зазвучал в его голове голос, так сильно напомнивший ему Гийома.

«Оставь меня. Уйди», – подумал Ансель в ответ.

Я тебя уже никогда не оставлю, не надейся. Но насладиться я тебе позволю.

И в голове наступила вожденная тишина. Мыслей больше не было.

Люси мягко, но настойчиво толкнула Анселя в грудь, и он повалился на кровать, ощутив новую вспышку страстного желания. Едва оказавшись на спине, он тут же приподнялся на локтях и потянулся к Люси, желая еще одного поцелуя. Она оказалась на нем сверху и склонилась к его губам. Сейчас она казалась ему самым прекрасным созданием на свете. *Совершенным созданием.*

Через несколько мгновений она вновь оборвала поцелуй и посмотрела на него сверху вниз, не прекращая заговорщицки улыбаться.

– Пожалуй, не будем сильно спешить, чтобы продлить твоё наслаждение, – полушепотом сказала она, чуть переместившись. Ее рука знающим движением скрылась в небольшом пространстве, что разделяло их тела. – Я начну помедленнее.

Никогда еще Ансель не чувствовал ничего подобного. Он не представлял себе, с чем может сравнить свои ощущения, когда стал одним целым с женщиной. Это было волшебное чувство, которое яркой вспышкой света попыталось выбить все оставшиеся мысли из его разума. Все, кроме одной:

«Наслаждение и стыд... вот, что, похоже, всегда идет рука об руку».

И хотя желание, охватившее его, было невероятно сильным, даже когда Люси начала двигаться, повинаясь неизвестному ритму, увлекавшему ее, Ансель не мог полностью отдаться своим ощущениям. Наслаждение смешалось в нем с какой-то требовательной напряженной сдержанностью, а где-то в душе заворочался страх, что вот-вот случится что-то непоправимое.

Отдаленно, почти неразличимо в памяти зазвучали слова матери, которая много лет тому назад сказала ему:

Может, если бы мы познали истину чуть раньше, мы смогли бы уберечь твою душу от заточения в этом аду.

Люси часто дышала, начиная двигаться немного быстрее. Ее дыхание становилось громче, страстнее, ее гибкое тело выгибалось, словно в каком-то неведомом танце. Она прикрыла глаза и тихо застонала, и этот звук заставил волну напряженной дрожи прокатиться по телу Ансея.

А последним твоим грехом было бы зачать ребенка и оставить его здесь, в этом аду, которого ты так боишься, – насмеялся внутренний голос.

– Нет... – выдохнул Ансель. – Стой...

– Расслабься, – отозвалась Люси. – Доверься своему телу, оно знает, что делать.

Именно, Ансель. Оно знает.

На пике напряжения он попытался схватить Люси за бедра и вынудить остановиться, но это требовательное движение, казалось, лишь принесло ей удовольствие, она вновь застонала и, несмотря на его сопротивление, продолжила двигаться.

– Остановись, – прошептал Ансель.

Ты не хочешь, чтобы она останавливалась.

«Замолчи!»

– Нет, останавливаться не нужно, – часто дыша, сбивчивым голосом отозвалась Люси.

– Пожалуйста, – произнес он одними губами, понимая, что его воля с каждой секундой слабеет, а тот грех, о котором так давно говорила ему мать, становится неизбежным.

Люси не слушала его – казалось, она начала двигаться лишь быстрее.

Он вцепился в одеяло, пытаясь заставить себя сдержаться, но уже чувствовал внутри себя пульс, который невозможно было остановить. И ведь голос, говоривший с ним, был прав: он не хотел, чтобы это прекращалось. Возбуждение все росло и росло, пока вдруг не достигло своей наивысшей точки. Взгляд перестал фокусироваться на чем-либо. Из груди вырвался сдавленный тихий стон, руки перестали сжимать простыни – вместо этого они снова впились в бедра Люси, которая продолжала ритмично двигаться, запрокидывая голову от удовольствия.

Рассеянный взгляд не мог определить, что находится вокруг. Ведь пространство не изменилось – это была все та же комната на постоялом дворе, но Ансею казалось, что он вознесся до самых Небес, и ему позволили задержаться там на миг.

Затем комната снова стала прежней. Напряжение, которое Ансель ощущал до этого, почти полностью исчезло. На тело вдруг навалилась тяжелая слабость, словно он сбросил ношу, которую вынужден был очень долго нести.

Люси приподнялась и перекатилась на кровать рядом с ним.

– Знаешь, что? – хмыкнула она. – А ты отлично справился, учитывая, что это твой первый раз. – Сказав это, она поднялась и начала спешно одеваться. Похоже, у нее не было привычки оставаться с мужчинами дольше, чем необходимо.

Ансель не мог вымолвить ни слова. Он часто дышал, стараясь справиться с охватившим его опустошением. Он не мог понять, каким образом несколько мгновений назад испытывал такое благодатное наслаждение, и вот сейчас от него не осталось и следа. Как будто ему позволили оказаться на Небесах всего на миг, а затем сбросили обратно безо всякой возможности снова попасть туда. А здесь – в земном мире все словно стало мрачнее. Комната показалась грязной и маленькой, словно тюремная клетка. По ней разнесся странный запах, который, казалось, пристал и к телу Ансея.

Свидетельство твоего греха. Должно быть, ты больше всего мечтаешь смыть его с себя? – вновь усмеялся внутренний голос.

«Замолчи...»

Он старался отвлечься, сосредоточить мысли хоть на чем-то, но не мог. Взгляд его замер на Люси, которая уже успела облачиться в свое платье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.